

ДЕТЕКТИВ С ШОКИРУЮЩИМ ФИНАЛОМ

ДОКТОР ЧИСТОТА

ОН ВЫРЕЖЕТ ГРЯЗЬ ИЗ ТВОЕЙ ДУШИ. ВМЕСТЕ С ДУШОЙ

ШИМУН ВРОЧЕК
ВЛАДИМИР МИСТЮКОВ

Владимир Мистюков
Шимун Врочек
Доктор Чистота
Серия «Разрыв шаблона. Детектив
с шокирующим финалом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68015080

Доктор Чистота: Эксмо; Москва; 2022

ISBN 978-5-04-174020-7

Аннотация

История не знала более изощренных и жестоких игр: одна человеческая смерть – за один фрагмент паззла. И лишь когда паззл сложится, можно будет узнать, где маньяк спрятал свою жертву...

Это все равно что вырвать у живого человека сердце. Серийный убийца и маньяк по прозвищу Доктор Чистота (свидетели утверждали, что от него всегда пахнет моющим средством) похитил и спрятал жену полицейского Свечникова. Никто не знает, где несчастная женщина, жива ли она вообще. Маньяк задержан, но молчит. Свечникова не допускают к допросам, и он уже на грани полного отчаяния.

От безысходности полицейский устраивает извергу побег, прячется с ним в заброшенной больнице. Теперь никто не помешает вырвать у Доктора Чистоты правду.

Но маньяк правду не выдает, а... продает ее полицейскому по кусочкам. Цена – немыслимая, чудовищная, нечеловеческая. Но на что способен пойти полицейский, чтобы вытянуть у садиста информацию о своей жене? Как выяснилось – на всё.

Теперь они заодно – Доктор Чистота и полицейский. Они оба пойдут до конца...

Шимун Врочек – писатель-фантаст, автор 10 романов, 3 сборников рассказов, лауреат Роскона. Его книги переведены на 6 иностранных языков; Владимир Мистюков – сценарист, режиссер, продюсер (полнометражный фильм «Рейк» 2019 г.).

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	20
Глава 2	27
Глава 3	35
Глава 4	45
Глава 5	50
Глава 6	61
Глава 7	66
Глава 8	77
Глава 9	81
Глава 10	88
Глава 11	96
Глава 12	107
Глава 13	110
Глава 14	116
Конец ознакомительного фрагмента.	121

**Шимун Врочек,
Владимир Мистюков
Доктор Чистота**

© Врочек Ш., Мистюков В.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Часть 1

Пролог Женщина в лесу

Она проснулась от сильнейшего чувства, что он – чужак, страшный человек, пахнувший «Белизной» так, что слезились глаза, – рядом. И тут же поняла, что никого рядом нет. Она одна. И даже запах хлорки ей почудился. Она уловила влажный аромат прелой листвы, тонкий запах фекалий от ржавого унитаза в глубине Пещеры, и на мгновение, на вечность, на целых две минуты почувствовала облегчение.

Жива.

Никого нет рядом.

Одиночество сейчас означает жизнь. В глубине Пещеры – она привыкла называть это пещерой, хотя это было рукотворное помещение, низкий квадратный короб из бетона и сырого выщербленного кирпича, – жило робкое эхо ее движений, шагов, ее дыхания и стонов. Ее призрачный двойник, зеркалящий каждое ее движение. Изображающий ее. Передразнивающий.

Иногда этот двойник, другая она, начинал бегать, кричать, выть и царапать стены ногтями. В такие моменты она словно

смотрела на себя со стороны.

Как страшно и безнадежно она кричит. Как жалко и смешно.

Как глупо.

Остатки сна ушли. Сон был спасением здесь – лежать и лежать, спать часами, днями и неделями. Но она знала, что не может себе этого позволить. Потому что однажды не проснется. Призрачный двойник, другая она, подберется к ней, спящей, прыгнет на грудь – белесая, корявая, в лохмотьях ночной рубашки – и задушит ее.

Озноб пробежал по плечам, разлился по спине. Она поежилась.

Она открыла глаза и некоторое время лежала, глядя в потолок. Бледный свет мягко покачивался, перебегая от стены к стене. И моргал. Здесь, в Пещере, были сквозняки, иногда они доносили запахи внешнего мира – леса, земляники, мокрого дерева, дождя: больше всего она любила этот запах, словно пришедший из детства, – и изредка резкую синюшную вонь автомобильного выхлопа.

Она откинула одеяло, села на койке. И едва сдержала стон.

Тело занемело, левая нога совсем затекла. В последние дни из-за сырости и чего-то еще... нехватки витаминов?.. она опухла, опухли руки и ноги. Она привыкла к постоянному холоду, но ломота в суставах стала неприятным сюрпризом. Словно их и так мало, этих неприятностей.

Сколько она уже здесь? На это есть ответ. Сейчас, сей-

час... Она соберется с силами и дойдет до него.

Иногда по утрам становилось так холодно, что зуб на зуб не попадал. Сегодня было еще ничего – видимо, в лесу потеплело. Лето. Подземная сырость вытягивала остатки тепла из ее тонкого тела. Даже одеяло не спасало: она укуталась потеплее. По телу пробежала крупная, жестокая дрожь. Суставы словно ледяные хрупкие шары, которыми кто-то играет в опасную игру в боулинг. И они вот-вот разобьются друг о друга на мелкие стеклянные осколки. Она мучительно закашлялась. Выплюнула мокроту.

Она вдруг вспомнила, как до всего этого мечтала похудеть, сбросить три-четыре килограмма. Может, даже шесть. Шесть было заветной мечтой – чтобы выглядеть как в телевизоре. А сейчас она настолько исхудала, что трудно спать – во сне ребра словно врезаются в камень. А потом все кости болят. Все кости, без исключения. Она смертельно похудела. Сколько это в килограммах? Десять? Пятнадцать? Бойся своих желаний.

Призрак заплакал в другом углу Пещеры.

Она вздрогнула, правое плечо заледенело так, что повисло тяжелым свинцовым грузом. И поняла, что сама плачет.

Дорожки слез на щеках теплые, горячие. Хорошо. Приятно все-таки хоть что-то чувствовать, кроме боли и отчаяния...

Пора умываться и завтракать. Она поставила себе задачу – выжить во что бы то ни стало. Назло страшному человеку

с запахом «Белизны». Назло сырости, боли и холоду. Назло хнычущему призраку ее самой.

Выжить, чтобы... чтобы...

Она остановилась. И вдруг с отстраненным, и оттого еще более безжалостным, ужасом поняла, что не знает зачем. Чтобы вернуться к нормальной жизни? К мужу? К теплу?

«Муж... и что? Нормальная жизнь?» Она с трудом держала себя в руках. Она уже не помнит, как выглядит нормальная жизнь. Тепло?!

Да, тепло бы ей не помешало. Вот, отличная цель. Что будет, когда лето закончится и наступит осень? В Пещере обогревателей нет. Или человек-«Белизна» и это предусмотрел? А там и зима... Что если она так не сумеет отсюда выбраться?

Острый укол паники на мгновение парализовал ее. Она собралась и усилием воли (нет! не-ет! не-е-е-е-ет!) отбросила эту мысль. Ее найдут. Муж найдет. Что-что, а искать людей он умеет.

Страшного человека с запахом «Белизны» поймают. Не вечно же ему скрываться?..

Она вспомнила момент, когда это случилось. Когда ее похитили.

Человек оказался за спиной. Она почувствовала холодный жар его тела, едкий тонкий запах хлора – и страх. Страх был еще маленький, неловкий, смущенный.

Она вдруг вспомнила слова мужа. Он редко что-то рас-

сказывал ей, поэтому она запомнила. Муж сказал, что большинство жертв серийных маньяков могли бы спастись – если бы отказались делать то, о чем просили убийцы. Так просто – скажи «нет», закричи, беги. Но жертвам было... неловко. Они смущались. Вот так. Тогда ее это поразило до такой степени, что накатила тошнота. Чувство неловкости, боязнь показаться невоспитанной, ой, простите – и вот ты уже свисаешь с мясного крюка, а тебя трахают сзади, прежде чем пытаться, освежевать, убить и, может, даже съесть.

Она вспомнила это в секунду – и вдохнула, чтобы закричать. Чтобы выкричать к чертовой матери эту неловкость. Она не воспитанная девочка с белыми бантиками. Она – жена полицейского. Она – человек, а не кусок мяса!

Но в следующее мгновение человек прижался к ней сзади – почти интимно, хотя ничего плотского в его объятиях не было. Его ладонь скользнула по шелку ночной рубашки и легла ей между ног. И даже это не было сексуальным посягательством... вообще не ощущалось, как человеческий жест. Это было жутким актом присвоения. Не человека даже. Вещи.

И почувствовав на себе эту холодную ладонь, она онемела. Язык отнялся, колени подкосились. Она не могла кричать.

Ее маленький робкий страх превратился в огромного кровавого зверя. И проглотил ее без остатка. Ам.

Теперь она здесь. «Зато я буду знать, что в моей смерти виновато мое воспитание». Нина сухо, безжалостно засмея-

лась. Удивительно, но спустя столько времени взаперти ее чувство юмора не исчезло, а, наоборот, обострилось. Теперь им можно было резать колючую проволоку и вскрывать вены.

Она спустила левую ногу вниз, поставила на каменный пол.

Холод – неумолимый, жестокий – пронизывал ступню до колена. Словно ледяной стальной штырь. Заполнял плоть изнутри.

Она застонала, стиснула зубы. И сбросила вниз вторую ногу. Боль в растрескавшейся пятке заставила ее выгнуться. Она вскрикнула и одернула себя.

Нет, больше никаких криков. Ничего. Ничего.

Она усилием воли поднялась, от боли на глаза навернулись слезы.

* * *

В тот день она гладила белье. Рубашки мужа, растянутые, но любимые. Футболки. Все огромное – ее муж высок и широк в плечах.

«Он найдет меня». Она хотела в это верить и верила – даже сейчас, после сотни белых царапин на стене – эта вера жила в ней, как... как болезнь. Как раковая опухоль.

Она чувствовала, как метастазы этой надежды пронизывают ее тело насквозь, парализуют, ослабляют волю.

«Что я могу сделать?!» Что она могла сделать?

«Я могу только ждать». Он рано или поздно ее найдет.

Что-то, а это он умел. Находить людей. И... делать им больно.

Она вдруг представила, как он находит человека-«Белизну» и что из этого выйдет. На короткое мгновение ей стало жарко.

Ненависть – хорошая штука. Ненависть дает много тепла. Ненависть согревает.

О, что бы он сделал с человеком-«Белизной»... Тут пригодились бы его бешеные вспышки ярости!

Она всегда чувствовала в муже некий изъян. Недостачу. Словно тайком вынесенные из магазина кусок мыла, пара помидоров, бутылка дешевого (три звездочки, Дагестан, запах клопов) коньяка.

Вот такой он, ее муж. Сильный снаружи. Но слабый. Словно внутри огромной башни, внутри железобетонной конструкции установлены прогнившие деревянные перекрытия. Однажды она увидела в его бумагах фотографию, вырезанную из газеты. Старое здание за выщербленным кирпичным забором, заросшее крапивой и репейником. От здания веяло чем-то древним – и неприятным. Точно запах нашатырного спирта, зеленки и старого гноя на желтоватом кусочке старой ваты.

«Нина», – услышала она голос мужа. Вдрогнула – и оглянулась, настолько этот голос показался ей реальным.

Но нет... В Пещере только она.

Нина не знала, откуда взялось это ощущение. Этот запах.

Но муж ее тогда здорово напугал.

Зачем он хранил эту пожелтевшую вырезку? Что это значило для него?

И что это означало для нее самой?

Она так ничего и не сказала мужу.

А через несколько дней пришел человек-«Белизна».

* * *

На снимке было четверо.

Троих она хорошо знала – и двоих из них не любила. Особенно начальника мужа – громогласного смешливого фанатика охоты. Начальник обожал охоту словно напоказ. Вот смотрите, это моя слабость. Он казался пародией на стереотипного начальника полиции – но при этом не был тупым или бестолковым, а был умным и жестким под этой маской. Вторым был муж. Да, она не любила его, давно уже не любила...

Скорее боялась.

И только красивая светловолосая женщина вызывала у нее нечто, похожее на симпатию. На снимке та была моложе и далеко не такая... стильная, что ли? Странно, по идее, она должна была не переносить друзей мужа – друга-женщину точно, но, наоборот, только с ней у Нины возникло нечто

вроде настоящей приязни.

Однажды, подвыпив, муж рассказал, что они все были знакомы задолго до службы в милиции... тогда еще милиции. «Святые девяностые», сказал он. Муж говорил с жутковатой кривой усмешкой, без выражения – и она снова почувствовала смутный беспричинный страх.

Конечно, тот страх был совсем еще не страх. В сравнении с нынешним тогда была легкая нервозность. Ха-ха. Смешно.

Однажды, на одном из совместных вечеров, когда мужчины допивали третью бутылку, спорили и кричали, сидя на кухне, а потом порывались петь идиотские песни, Нина вместе со светловолосой переглянулись и ушли в гостиную. С бутылкой текилы и парой ярко-зеленых лаймов. Они слизывали соль и пили прозрачную мексиканскую водку, а лайм разливал на языке кисло-сладкую горечь. Они болтали и смеялись, как две подружки. Потом включили музыку и танцевали в полутьме. Глаза светловолосой мерцали странно и завораживающе. Пошел медляк, Леонард Коэн утробным шепотом попросил «Dance me...», и они, дурачась, прижались друг к другу. Затем Нина почувствовала, как рука огладила ее бедра. А потом светловолосая притянула ее к себе и прижалась губами к губам.

Это был... странный вечер. Да.

Она провела пальцем по губам. Рассохшиеся, растрескавшиеся. Нижняя лопнула. Выступила капля крови.

Нина часто вспоминала тот вечер. Вернуться бы обрат-

но, отмотать время назад, как в фантастических фильмах. И снова танцевать под медляк. И чтобы низкий хриплый голос Леонарда Коэна отдавался иголочками в животе. *Dance me... to the end of time... Танцуй со мной... до конца времен...*

Чтобы ничего этого не было.

«Я, наверное, сейчас совсем страшная, – подумала она. – Может быть, даже хорошо, что я этого не вижу». В Пещере нет зеркал. «И хорошо, что светловолосая меня не увидит».

И вдруг ей страшно захотелось найти зеркало.

* * *

Записка от человека-«Белизны»:

Здесь есть все необходимое. Лейкопластырь, если вдруг порежешься открывашкой. Запас открывашек...

Она бросила взгляд на древнее ведро, полное ржавых открывашек, – и засмеялась. Кажется, с каждым днем ее чувство юмора становится все тоньше. Раньше это не казалось ей смешным. Ха-ха.

Она стала читать дальше – словно не знала это письмо наизусть:

...еще я приготовил для тебя одеяло. Даже два – здесь бывает холодно.

Заботливый, скотина. Только о подушке он не подумал. Второе одеяло Нина сворачивала и клала под голову. Иначе от кирпичей шел могильный холод, жесткий и пронизываю-

щий – прямо в мозг. Как болит голова. Как болит!

Как болит вообще все!

Пора сделать отметку. «Или...» Нина вдруг замерла, от мгновенного испуга заледенел затылок. «...Или я ее уже сделала?»

Она заставила себя успокоиться. Надо же, наконец пригидилась дыхательная гимнастика, которую она осваивала на занятиях йоги.

Вдох, задержать дыхание. Медленный выдох. На счет.

Еще раз.

Пять, семь, пять.

Она начала мысленно отматывать время назад, вспоминая свои шаги.

Нет, кажется, она даже не подходила к стене. Нет, точно не подходила.

Нина вздохнула.

Раньше ей казалось логичным, что в фильмах про тюрьму или необитаемый остров герой всегда делает зарубки. Отметины на стене, на дереве, на камне... на собственной руке. Неважно. Это было логично и просто – отмечать дни, которые ты провел в заточении. Как иначе ориентироваться во времени, если у тебя нет календаря? Время, проведенное в одиночестве, – «тюремное время» – тянется бесконечно и аморфно. Стоит ввести точку отсчета и методично отмечать прошедшие дни. Это порядок. Спокойствие. Это проявление собственной воли, сопротивление обстоятельствам.

Пять черточек – равно пять дней, что я провел в вашей долбаной камере. И осознавая это, я проявляю свою свободу.

Я свободен внутри себя – даже в тюрьме.

Тогда это казалось логичным. Она усмехнулась с горечью. Все просто – один день, одна отметка. Семь отметок – неделя. Что может быть проще?!

На самом деле все оказалось сложнее.

Память в замкнутом помещении работала не так, как обычно. Все в тумане. Размыто, как акварельный рисунок после дождя. Ты проснулась, пошла, нацарапала черточку – день. А через пять минут ты вернулась, смотришь на стену – черт, черт, черт, жопа, жопа, жопа – и уже не понимаешь, отмечала сегодня день или это было вчера. Как узнать?!

Память отсырела в Пещере – и крошилась, как старая размякшая штукатурка. Нет ничего постоянного. Есть только разрушение. Энтропия. Погружение в хаос.

Да, слово «энтропия» она еще помнила. Нина бросила взгляд на стену. Еще одна черточка... или это было вчера?!

Она попыталась отмотать время мысленно назад, двигаясь по шагам – мелко-мелко. Вот она подходит к стене, царапает... вот идет назад к кровати... Вот садится – ноги колют тысячи булавок. Стон, и она снова ложится. Все болит, все тело.

Тысячи иголок. Она застонала снова.

И вот эта зыбкость памяти, восприятия – то, что вчера еще казалось таким прочным, – заставляла ее чувствовать себя

бессильной. «Шторы в доме больного разума всегда задернуты...» Кажется, так писал один из античных философов? «Сенека Младший? Не помню, не помню. Весь мой филологический к чертям». Действительно, зачем похищенной домохозяйке филологический?

Стоп. Она с нарастающей паникой поняла, что ее беспокоит.

«Разве у древних греков были шторы?» Мысль пронзила ее насквозь, как разряд молнии, пробежала дрожью по телу.

Даже в такой мелочи она не может доверять себе. Все нужно проверять.

Она наконец сообразила. Рокот, что она приняла за гул в больной голове, давящий, раздражающий, беспокойный... Это не голова. Это *мотор*. Двигатель машины на ули... Боже! Она вскочила.

Синюшная нотка в запахе с улицы, которую она уловила раньше, но решила, что ей показалось. Бензиновый выхлоп!

Она бросилась к двери Пещеры. С разгона ударилась в нее, как птица, пытающаяся вырваться на свободу и раз за разом бьющаяся об оконное стекло. Дверь осталась неподвижной – как и много раз до этого. Нина догадывалась, что человек-«Белизна» подпер ее чем-то снаружи.

Она прижалась глазом к крошечной щели. И – увидела. Среди огромных деревьев, среди берез и сосен мелькнуло желтое пятно. Исчезло – и опять показалось вдали. Древние «жигули» советских времен. Где-то там проходит дорога –

метров сто, сто пятьдесят? Не так далеко. Невероятно близко! «Они могут меня услышать». Если ветер дует в нужную сторону...

Она закричала.

Она кричала, пока не сорвала голос. Царапала дверь ногтями, рычала, кричала, умоляла, просила, угрожала, билась в дверь всем телом. Вопила, как безумное привидение.

Но все было бесполезно.

«Жигуленок» исчез из поля зрения. Повернул по невидимой дороге и скрылся за стволами деревьев. Несколько секунд Нина еще слышала рокот его двигателя, затем исчез и он.

Нина села на ледяной пол, посмотрела на свои окровавленные пальцы и завывала.

Глава 1

Машина

Грязный пыльный УАЗ-«буханка» вылетел из-за угла и на скорости пронесся по пустынной в ранний час улице.

Радио играло во всю мощь. Грохот рвался из приоткрытого окна. Голос, искаженный плохими динамиками, выводил:

«Ключ поверни и полетели... Нужно вписать в чью-то тетрадь...» Водитель, кажется, хотел выключить радио, но не рискнул оторваться от баранки. Рев динамиков разлетался по улице, тонул в пыльных кронах тополей и отражался от серых стен пятиэтажных домов.

Старик вступил на пешеходную «зебру» и неторопливо пошел, даже медленней, чем ходил обычно. Это был его старый трюк. «Ты будешь беситься, но ждать, пока я ме-е-едленно перехожу дорогу».

Но «буханка» и не думала сбавлять скорость. Она неслась на Зверева – и тот вдруг почувствовал страх. Ноги ослабели, редкие седые волосы на затылке встали дыбом. Словно машина задумала его убить. Обычно добродушная морда «буханки» – с круглыми фарами, словно вечно удивленными – вдруг показалась Звереву зловещей. Раздавить всмятку – вот что машина хочет. Страшным ударом подбросить изуродованное тело над мостовой, так, что очки улетят в одну сторону, крутясь и сверкая в лучах утреннего солнца... А тело по-

летит в другую. Не тело – мешок с костями... Зверев взмок, ускоряя шаги, и успел мысленно умереть, пока машина приближалась... Ближе. Ближе... О боже!

В последнюю секунду он успел выскочить из-под колес. Эххх. Его чуть не сбило воздушной волной, развернуло и дернуло. Старик с трудом удержался на ногах. Палка заскрипела, когда он налег на нее всем весом.

– Урод! – запоздало закричал Зверев. – Скотина! Напьются пьяные и ездят! Дебил!

Он хотел погрозить вслед тростью, но боялся не удержаться на ногах. Суставы таза яростно ныли.

Он открыл рот, закрыл. Пожевал пластиковыми челюстями. Прошло уже полгода, как их поставили в бесплатной клинике, за государственный счет, а они все еще натирали десны до крови.

Он пожевал челюстями – назло.

«С нашим государством ты вечно будешь чувствовать привкус крови во рту», – желчно подумал он.

– Дебилы! – крикнул он, уже без злости. Все-таки погрозил палкой.

И вдруг замер. Он увидел, как вдалеке «буханка» затормозила и начала разворачиваться. Зверева окатило холодом. Он повернулся и быстро заковылял обратно через переход. Домой, домой.

«Везде психи. Просто везде».

«Чуть не сбил», – отстраненно подумал Денис. Мысль не пробила сквозь усталость, окутавшую его, а ударила в нее и заскользила по поверхности, точно по льду. «Ну и черт с ним» – следующая мысль тоже была отдаленная и равнодушная. Когда темная фигурка появилась на дороге, измученный мозг не среагировал, чтобы дать телу сигнал о торможении.

«Я сейчас усну». Он вскинулся в последний момент, открыл глаза. Улицу начало клонить влево... Стоп!

Он нажал на тормоз, останавливая машину, чувствуя, как темнеет в глазах. Так, спокойно. Никакой паники. Он вдохнул глубоко, задержал дыхание – и выдохнул, медленно и плавно. Если делать это упражнение достаточно долго, организм перестанет думать, что умирает. Теоретически.

Он повернулся и заглянул назад, в салон. Вокруг ревели и грохотало, как в чудовищной жестяной банке.

– Аня, ты как? – спросил он. Потом сообразил и выключил магнитола. Стало тихо – и жутко. Оказывается, весь этот грохот и рев помогал ему не думать, не вспоминать, отодвигал страх и боль в другую реальность.

– Аня?

– Н-ни...

Аня дышала быстро и поверхностно – и это тоже бы-

ло неправильно. Возможно, повреждение легкого, пневмоторакс... или как его там? Или шок.

– Что? – спросил он. – Тебе что-то надо? Скажи, Аня!

– Н-ничего, – она говорила едва слышно, словно шелестящий на последнем издыхании вентилятор. – П-по... еали... – Аня устало прикрыла веки.

«Она уже почти не может говорить».

Денис увидел, какая Аня бледная. Смертельно бледная. По-хорошему ей надо как можно быстрее в больницу. Он покачал головой. Навигатор не работает, телефоны потеряны или разряжены, а он знает только путь до «ментовки».

Глаза закрывались. Денис боялся, что в один прекрасный момент просто заснет за рулем от усталости и перенесенного стресса («давайте, дамы и господа, сделаем ЭТО!») и врежется в ограждение или припаркованную машину. И конец.

«Не худший вариант», – подумал Денис. Все так же, из другой галактики. Не худший точно.

И тогда точно все закончится.

Он разозлился на себя, прикусил губу – рот наполнился железистым вкусом крови.

Он посмотрел на свою руку, замотанную грязной тряпкой. Сквозь нее проступала кровь, уже подсохшая. Рука лежала на руле, на черной гладкой баранке. Кажется, рука теперь неправильной формы. И это навсегда.

«Я ненавижу всех». Он выжал сцепление, потянулся к рычагу коробки передач. С хрустом, враскачку, вогнал вторую

скорость. Боль в изуродованной руке разгоняла туман перед глазами. «Нет времени на раскачку... ха-ха». Чуть добавил газа – двигатель взрыкнул. Денис медленно отпустил сцепление.

«Буханка» дернулась, нехотя переварила вторую скорость – и поехала.

«Ненавижу всех...»

И себя, подумал Денис, продолжая вести машину. «Больше всего я ненавижу самого себя». Трус.

«Хотя, возможно, мне давно стоило бы понять, какая я сволочь и мелкий жалкий мудака... и принять себя. Как во всех этих модных психологических системах. Прими себя какой ты есть, мудила».

А этот тип... Дениса передернуло при одном воспоминании о том человеке. «Он тоже себя принял таким, какой он есть?»

И нет ли в этом «прими себя» какой-то огромной невыносимо чудовищной лжи?!

Перед глазами вдруг возникло лицо брата... Затем Степы. Степыч улыбался – страшно и весело. Щека у него была вскрыта, лоскут кожи вырезан – и обнаженные мышцы двигались, натягивали белесые сухожилия, когда он улыбался и говорил. Денис никак не мог разобрать, что именно. Отвернутый лоскут кожи болтался у шеи и раздражал. Потом появилась Оля – почему-то синяя и голая, она потянулась и обняла Дениса. Внезапно Дениса повело. Он понял, что заснул.

В следующий момент он рывком очнулся, увидел приближающийся столб – твою мать! Денис с силой ударил по тормозам и вывернул руль. «Буханку» занесло. От удара грудью о руль Денис задохнулся. Боль была... отрезвляющей. Он застонал сквозь зубы.

Помедлил. «Я только что чуть нас обоих не угробил».

«Я должен ее довести». Да, должен – не ради себя, не ради нее, а ради брата. Довести Аню.

«Ради брата? Да не свисти! Кому ты врешь?!»

Он помотал головой. Несмотря на встряску, он все равно больше всего на свете мечтал закрыть глаза – и просто умереть здесь.

Сдаться.

«Сука». Денис вздернул голову. Из уголка рта сорвалась длинная нитка слюны. Он вытер подбородок забинтованной рукой, выпрямился.

Оглянулся на Аню. То, что он увидел, его напугало. Ее бледность превратилась в мертвенную, как у покойника.

– Аня! Аня, слышишь?! Не спи.

Он понял, что еще чуть-чуть – и не сможет даже вылезти из-за руля. Поэтому нужно сначала доехать и дать знать АДЕКВАТНЫМ ЛЮДЯМ, которые знают, как выбраться из всего этого. И тогда можно упасть, свернуться клубком, как он мечтал сейчас больше всего на свете, – и спокойно умереть. Не быть. Не помнить. Не знать.

Он вздохнул. Завел «буханку» – и поехал, осторожно и

аккуратно, словно лежачий больной после года неподвижности снова учится ходить. И не доверяет своему телу.

«Поехали, Аня». Поехали.

Глава 2

Оператор

– ...Одного из беглецов удалось задержать. Сейчас ведутся поиски остальных. Нам известны их имена. Это некто Азамат Дунгаев, осужденный за мошенничество и сбыт наркотиков, и...

Сергеич прочертил пальцем по горлу, давая понять, что нужно остановить запись.

– Ты издеваешься? – взбрыкнула Анфиса, словно молодая норовистая кобылка. Он почти видел, как из-под стройных длинных ног летит желтый песок. – Я почти весь текст успела сказать!

– Сейчас будет брак по звуку.

Словно подтверждая его слова, «скорая» включила сирену, пытаясь пробиться к главному входу. Проезд был плотно заставлен личными машинами журналистов и фургонами передвижных студий.

Журналисты недовольно посмотрели в сторону «скорой», но никто не сдвинулся с места. Они окружили гладко выбритого мордатого полицейского в погонах УФСИН, который, как попугай, повторил то же самое, что и полчаса назад:

– Мы проводим розыскные мероприятия, по многим направлениям. Пока мы не можем ничего сказать по поводу... сбежавшего преступника... и точном количестве... ж-

жертв...

Мордатый багровел и заикался. Видимо, больше всего боялся ляпнуть что-нибудь не согласованное с вышестоящим начальством. А то пока молчало. За это Сергеич мог поручиться – он много повидал таких пресс-секретарей за свою жизнь. Сирена выла.

– И долго она будет орать? – возмутилась ведущая.

Сергеич пожал плечами.

– Пока кто-нибудь не отгонит машину, чтобы дать «скорой» проехать.

– А!

Сергеич устало посмотрел на свою коллегу: смазливая, стройная, в обтягивающей грудь лиловой блузке, злой и цепкий взгляд – Анфиса, «золотце», одним словом.

Текст она писать не умела, за нее это делал помощник продюсера. Учить то, что ей написали, тоже не слишком хотела. Видимо, понимала, что на этом карьере не построишь. А вот с кем дружить и с кем спать, она явно секла. Сергеич в число избранных не входил – это он уже сообразил по тому, как она стала на него покрикивать. Да уж, не об этом он мечтал, когда заканчивал ВГИК с красным дипломом. Его мастером на курсе был знаменитый Княжинский, оператор самого Тарковского. А вот для него Тарковского не нашлось. Сергеич вздохнул.

Вместо «Оскара» за лучшую операторскую работу у него был ненормированный рабочий день, полное отсутствие

личной жизни, нищенская зарплата и язва от вялотекущего алкоголизма. И еще на него теперь покрикивает эта вертихвостка, которая совсем недавно прочитала на камеру с бумажки, что этой весной уже появились первые «лесные капатэлли». Жаль, что это было не в прямом эфире, лесным копателям бы понравилось, что их профессия отдает Провансом.

Сирена взвыла еще раз, и «скорая», не найдя отклика в черствых душах журналистов, проложила путь по недавно высаженной клумбе.

Анфиса презрительно встряхнула красивой головой:

– Чего стоишь? Давай еще дубль, пока из студии не позвонили.

– Нет! – отрезал Сергеич. «Пусть кровь не греет старых лап», – вспомнил он некстати. Была такая песня группы «Любэ». Сергеич мысленно поморщился. Про старого битого волка, который должен выгребать за всю стаю. Полжизни слушаешь джаз, умеешь в нем разбираться, а в такие моменты вспоминаешь пургу всякую. Одинокий алкоголизм под джаз всегда идет лучше. – Быстро бежим к врачам и спросим про задержанного.

Анфиса, сообразив, что здесь надо слушаться, в два прыжка перескочила клумбу и, не обращая внимания на испачканные туфли, бросилась к машине «скорой помощи». Может, и выйдет из нее толк, подумал Сергеич.

– 38-й канал, что вы можете сказать о состоянии задер-

жанного? – напористо набросилась она на врача в синем комбинезоне.

Тот с досадой повел головой. Но Анфиса была по-настоящему красивой, секси. Надменная мордашка, осанка стервы. И молодость. Иногда это настоящее преимущество, которое никаким опытом не перекроешь. «Почему мы, мужики, всегда на что-то надеемся? – подумал Сергеич. – Вот идиоты».

Поэтому врач ответил вежливо:

– Мы только что прибыли, вы разве не видели?

– Но вам же наверняка описали по рации ситуацию? Говорят, у пострадавшего пулевые ранения...

«Неплохо», – оценил Сергеич. Дебютантка блефовала, но делала это удачно.

– Пулевые? – удивился врач. От удивления он забыл, что Анфиса красивая, и стал самим собой. – Просто порезы, это уж явно не пулей...

Полицейский выскочил из дверей и, оттолкнув журналистку, потянулся к камере.

– Назад, я сказал! – заповедный ментовский вокал, можно сказать. Этот рык у нас песней зовется.

Сергеич профессионально, в одно движение, снял с плеча камеру, прикрыл ее всем телом и отшагнул назад.

– Да ты понимаешь, с кем разговариваешь?! – Анфиса дерзко взглянула на полицейского и тут же отошла в сторону, не поворачиваясь к нему спиной.

«Быстро учится», – подумал Сергеич.

– Что теперь? – спросила Анфиса громким шепотом. Сергеич покосился на нее. Вот теперь мы еще и заговорщики.

– Ладно, давай допишем текст, а потом я поснимаю перебивки, может, и в окно кого удастся поднять.

Ведущая кивнула.

Анфиса проверила макияж, глядя в камеру айфона, и затараторила заготовленный текст:

– Сейчас я нахожусь у отдела полиции, где временно находится штаб по розыску беглецов. Лучшие силы полиции, Федеральной службы исполнения наказаний и ФСБ собрались здесь, чтобы найти их как можно быстрее. «Черный аист» – одна из самых охраняемых тюрем России, многие заключенные содержатся здесь пожизненно. Рано утром, когда город еще спал, трое заключенных проникли в соседнее здание, захватили приехавшую на вызов машину «скорой помощи», взяли в заложники медперсонал, протаранили заграждение и скрылись в неизвестном направлении... Позже одного из беглецов удалось задержать. Сейчас ведутся поиски остальных. Нам известны их имена. Это некто Азамат Дунгаев, осужденный за мошенничество и сбыт наркотиков, и... – Анфиса сделала драматическую паузу, – Тимофей Ребров, «Доктор Чистота»... серийный убийца и, возможно, людоед... В интернете его прозвали российским Ганнибалом Лектером...

Сергеич вдруг почувствовал страшную усталость. Кого он обманывает? Никогда он не снимет свой фильм, никогда. До

конца жизни – ладно, до пенсии – он будет снимать эти дубли и проходки, эти перебивки, этих безмозглых красивых ведущих одну за другой. Он словно столб у дороги, который они должны миновать, чтобы добраться до места назначения. А кто-то не поленится и обоссит.

«Вот и эта...»

В следующий миг его толкнули под локоть, камера дернулась. Сергеич едва удержался на ногах.

– Эй! – возмутился он.

– Извините, – сказал парень равнодушно и прошел мимо. Высокий, лобастый, с короткой стрижкой. «Боксер, что ли? – подумал Сергеич. – Или ММА-шник?» Однажды он два месяца работал в команде, которая снимала документалку о бойцах смешанных единоборств. И теперь мог опознать боксера даже с километра – по характерной манере двигаться, по наклону головы. «Точно боксер», – подумал Сергеич. И замер.

С забинтованной руки парня сорвалась капля. Разбилась о нагретый солнцем асфальт. Почти черная.

Сергеич моргнул. И вдруг понял, что затылок у него стиснуло – ледяной рукой плохого предчувствия. Ведущая что-то ему выговаривала.

– Заткнись, – приказал он. Анфиса от неожиданности послушалась. Сергеич оглянулся, он был весь как охотничий пес, натянутый и резкий.

«Но молодой вожак... поставил точку так...»

– Ты охамел? – спросила Анфиса и замолчала, увидев его лицо. Сергеич обернулся.

Вот оно. Цепочка кровавых пятен тянулась по асфальту в сторону дороги. Сергеич выпрямился, крылья носа подрагивали.словно он скинул два десятка лет и перестал ощущать вес тяжелой «Арри Алексы» на плече. Он пригляделся. Так. Парень явно пришел от уазика-«буханки». Машина была грязная, пыльная... и жутковатая.словно темное холодное пятно посреди нагретой солнцем улицы. Сергеич представил, что на рессорах у «буханки» рыжеет слой ржавчины и это будет хорошо смотреться в кадре. Четкая фактура.

– Что? – спросила ведущая.

– Видишь машину? – сказал он Анфисе. – Работаем.

Что-то в его голосе подсказало ей, что спорить нет смысла. Они побежали. Сергеич видел, словно в рапиде, как вылетают из-под ее каблучков комья земли. «Может, и выйдет из нее толк».

– Дверь! – приказал он.

Она схватилась за ручку и потянула вниз. Наивная. Сергеич частенько имел дело с «буханками». Уазик – военная машина, тут порой здоровый мужик не сразу справится.

Дверь не открылась. Анфиса прикусила алую губу – и налегла двумя руками, всем весом. К-кряк!

Дверь отворилась. Анфиса замерла, отступила на шаг. Глаза ее расширились. «Отвернется», – подумал Сергеич. Он краем глаза видел побелевшее лицо ведущей. И тут ему

в лицо ударил запах крови – и стало не до Анфисы.

В машине лежала девушка.

Рыжие волосы рассыпались по полу, пол вокруг залит кровью. Сергеич застыл на мгновение. «Неужели это действительно происходит?» Мгновение прошло, и он вскинул камеру на плечо. Работаем.

«Проклятая профессиональная деформация», – подумал он мимоходом, продолжая снимать.

Тарковский, чистый Тарковский.

Сцена с самоубийством Хари. Там, где она выпила жидкий азот. Нет, это даже лучше.

«Это мой фильм», – подумал он.

А потом Анфиса закричала.

Глава 3

Боксер

«Это точно не мой фильм», – подумал Денис.

Ему казалось, что со вчерашнего вечера он существует в кошмарном сне... Нет, не так, поправил он себя. В абсурдном нескончаемом сериале ужасов. Что-то вроде «Ходячих мертвецов», какой-нибудь шестой сезон, только все вокруг – русские.

Изуродованная рука пульсировала, словно больной зуб. Горячие толчки крови отдавались в изуродованной кисти. Он потянул железную дверь и вошел.

Бум! За его спиной захлопнулась дверь на автоматической доводке. Денис вздрогнул.

После яркого солнца он словно окунулся в темную прохладную воду. Даже дыхание перехватило. В первый момент Денис ничего не видел, перед глазами скакали электрические дуги – словно выжженные солнцем на сетчатке. Денис поежился и огляделся. Он чувствовал, что его «штормит» – словно лег спать пьяным, а наутро не до конца протрезвел.

Денис думал – всю дорогу сюда, пока вез Аню и успокаивал ее (заткнись, все будет хорошо, заткнись), – вернее, он был уверен: стоит добраться до полиции, все сразу станет просто и ясно. Сложности закончатся. Кто-то более взрослый и адекватный, чем он, Денис, возьмет на себя разреше-

ние ситуации. Просто будь как обкакавшийся младенец – лежи и дай взрослым людям разобраться со всем этим говном.

Но яснее не стало. После долгой мучительной поездки Денис был в полиции и не знал, что делать. Он опять должен был решать какую-то сраную проблему. А он за эту ночь, блять, разобрался с такой кучей проблем, что исчерпал свои волевые запасы на сто лет вперед.

«Ненавижу принимать решения».

Он потрогал повязку – влажная. Рука болела, но отдаленно, словно из другой вселенной. Точно отрезали чей-то чужой палец. Денис вдруг представил: если существует множество вселенных, как говорят фантасты и ученые, то в какой-то другой вселенной его палец существует отдельно. И болит оттуда.

«Так, выкинь из головы эту ерунду». Денис постарался собраться. Приемник полицейского отдела. Денис несколько раз бывал в таких местах – с его работой этого было, скорее, не избежать. Где окно дежурного? За окном находится тот, кто снимет с плеч Дениса тяжесть проблем.

Справа вход во внутренние помещения. За железной решетчатой дверью маялся от безделья охранник – здоровенный сержант в черной форме, в «бронике», с автоматом. Словно почувствовав взгляд Дениса, сержант зевнул.

Ровный шелестящий гул кондиционера. По спине прошла холодная волна. Денис поежился.

Он поискал глазами. Где надпись? Надпись означала ко-

нец всех проблем, служила указателем: «Здесь адекватные люди. Да-да, именно здесь».

Вот! Окно приемной было здесь не забрано железной решеткой, как в привычном Денису отделении в родном районе, а закрыто стеклом. На нем надпись красными буквами. «ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ». То самое. «ЭТО АДЕКВАТНЫЕ ЛЮДИ, ЧУВАК».

За окном сидел полицейский в серой форме. В отличие от сержанта, некрупный и тощий. Волосы светлые.

Денис в несколько шагов преодолел расстояние от входа до окна.

Дежурный бросил на него короткий безразличный взгляд, опустил глаза. Денис увидел, что дежурный что-то пишет. При этом тот зажимал плечом и подбородком трубку стационарного телефона. Бежевый пластик равнодушно отсвечивал.

– Ага-ага... Куда повезли?

Дежурный прищурился, провел линию на листке. На лице полицейского была написана вся важность доверенной ему миссии.

– Повторите... Да-да, записываю...

В следующее мгновение Денис почувствовал омерзение. Он вдруг обострившимся, туннельным зрением увидел, что делает полицейский. На листке был выведен шариковой ручкой, аккуратно и четко огромный член. Дежурный дорисовал овалы и теперь выводил на них волоски.

Дениса замутило.

«Что происходит?» В руке опять толчками, будто извержение вулкана, запульсировала боль. Из обрубка пальца словно изливалась раскаленная лава.

Денис с усилием прочистил горло.

– Я-я... х-хочу сделать... заявление.

Собственный голос в первый момент удивил Дениса. Он звучал слабо и едва слышно. Словно мальчишку во дворе, в песочнице, обидели, но он слишком хорошо воспитан, чтобы это показать.

– Сделать заявление! – громко повторил Денис. Дежурный вздрогнул, дернул рукой – росчерком испортил рисунок. Но даже не поднял головы.

– Хорошо, подождите, я уточню, – полицейский прижал трубку к груди, поднял взгляд. Денис увидел его лицо вблизи. Светлые глаза, тонкий нос, на щеке родинка. На погонах дежурного было четыре звездочки. Капитан. Денис разозлился. Тут у них целый капитан сидит, фигней страдает, а там... людей убивают!

Капитан безразлично смотрел сквозь Дениса – словно тот был неодушевленной вещью. Большой и неумытой.

Светло-голубые глаза капитана напомнили Денису старый фильм, вестерн, где все злодеи были уродливы (кроме главного), при этом у всех уродов-злодеев были прекрасные голубые глаза. И от этого становилось неудобно. Потому что потом их всех убили. Но прежде они совершили что-то жуткое.

Что это за вестерн, Денис не помнил. Да и какая, на хер, разница. Щелчок.

– Что у вас? – равнодушно спросил капитан. Голос его, искаженный динамиком, звучал откуда-то сверху.

– Я...

– Говорите в микрофон, – сказал капитан.

«Да блять!»

– Я хочу... – заговорил Денис твердо.

Тр-р-р-рррр. От резкого звука оба вздрогнули. Капитан повертел головой. Звонил другой телефон. Капитан сделал Денису знак подождать, снял трубку – не светлую, темную.

– На аппарате, – сказал капитан. Денис едва не засмеялся. На аппарате? Пижон херов.

– Слушаю... что-что?

Капитан зажал темную трубку плечом. Привычным жестом вытащил лист из пачки бумаги и положил перед собой.

Ну давай, подумал Денис с мутной тяжелой злобой. Нарисуй еще один хуй.

– Так точно, Андрей Максимыч, записываю... Да-да, конечно... Нет-нет, понял, – капитан начал быстро водить ручкой по листку. «Неужели что-то важное?» – подумал Денис.

Ну нет. Капитан его не подвел. Денис видел, как возникают на листке виселица и повешенный человек.

– Кому передать? – спросил капитан. – Да-да... Делаю себе пометку, – он провел линию, словно подчеркивая главное. – Нет, Семин на адресе... На адресе, говорю. Кухонный

бокс, все дела. Понял, кому-нибудь другому...

– Товарищ полковник, да откуда люди? – Капитан сделал официальное лицо. – Все на «усилке».

«Усилок» – это когда для чего-то важного – например, помимки особо опасного преступника или охраны британской королевы в гостях – привлекается весь личный состав.

Физрук в школе Дениса любил блеснуть такими словечками. Он перешел на денежную работу, уволившись из армии. Самый бесполезный учитель в школе, подумал Денис. Редкий был чудак, если честно. Зато военная пенсия плюс зарплата учителя. И армейские тупые шуточки в диком количестве.

– Этих ловят... Медного взяли, еще двоих ищут пока... Да, понял, как вернется, первым делом...

Дениса неожиданно пробил крупная нервная дрожь – как у лошади, стоящей на старте ипподрома.

Денис оперся на высокую раму, приблизил лицо к стеклу.

– Понял, да, – говорил капитан.

– Послушайте! – громко и хрипло сказал Денис.

Дзынь. Капитан вернул трубку на рычаг и поднял взгляд на Дениса. Лицо было равнодушным. Видел я на этой работе и не таких идиотов, читалось в глазах полицейского.

Денис осекся.

Холодная волна ярости захлестнула его. «За что ты со мной так, сука?!»

Стоп! Денис постарался взять себя в руки. Сейчас не та

ситуация, чтобы цапаться с ментами.

«Черт, Аня же в машине!»

– Там девушка, – сказал Денис. – Там... на улице! Слышите?!

– Что? – Капитан прищурился. – Что за девушка?

– Там... – слова куда-то исчезли.

– С самого начала, пожалуйста. И нажмите кнопку.

Денис зажал чертову кнопку.

– Я хочу сделать заявление! Да послушайте! – последнюю фразу он практически прокричал.

Капитан поморщился.

– Голос не повышаем, – спокойно сказал он. – Еще раз.

Что у вас случилось?

«У меня несколько мертвых друзей, раненая девушка и беглый маньяк за плечами! Вот что у меня!!»

– Я... – Денис собрался. Вот сейчас он все расскажет. Спокойно и по порядку.

И тут зазвонил телефон.

«Нет!!»

Капитан сделал Денису знак подождать, повернулся и снял трубку.

«Это что, издевательство такое?»

Капитан поднес трубку к уху.

– На стекло не опираемся, – ровно сказал он Денису.

– Да, слушаю, – произнес он в трубку. – Нет, не занят...

Денис хлопнул ладонями по стеклу. Боль ударила так, что

отдалась в глазные яблоки. Бум!

Капитан вздрогнул. Поднял взгляд – и его лицо изменилось. Он словно впервые по-настоящему разглядел Дениса.

Денис стоял перед ним – высокий, спортивный, с короткой стрижкой, в синяках и порезах, в пятнах крови и сажи, в окровавленной футболке и рваных штанах. На взводе и явно опасный. Взгляд капитана стал жестким и профессиональным – наконец-то.

Денис провел рукой, оставляя на стекле кровавый след.

«Написать им кровью «Дежурная часть», что ли?» – подумал он.

Капитан прищурился.

– Федорчук! – позвал капитан негромко.

Денис услышал скрежет железной решетки, затем увидел, как в отражении призрачно движется квадратная фигура сержанта Федорчука.

– Э! Тебе русским языком сказали! – раздался за спиной грубый голос. – На стекло не опираемся!! Два шага назад сделал. И руки держим повыше.

– Да пошел ты, – сказал Денис негромко.

– Че?!

Денис снова ударил по стеклу. Хлопок был резкий и звучный, как выстрел.

Его захлестнула веселая злая волна. Он вспомнил, как шел сюда от машины и обещал себе быть сдержанным и спокойным. Ага, щас.

Потом будет пиздец. А сейчас – Денис прямо выдохнул – это было офигенно круто и хорошо, наконец-то ничего не бояться.

– Слышишь, ты. Вы ищете, блять, своего Кожееда?! Так вот, я знаю, где он... – Денис осекся. Он вдруг сообразил, что имя «Кожеед» знает только он один, так назвал себя маньяк. Для полицейских он – Доктор Чистота, человек с запахом «Белизны».

– Доктор Чистота! – крикнул Денис. – Я знаю, где он!

Капитан вскинул голову.

– Доктор Чистота... что?! Федорчук, подожди... – заговорил капитан, но – не успел.

Сержант уже был рядом. Денис затылком чувствовал его массивную тушу, как темный прилив, как вода ощущает приход луны.

Сержант положил Денису ладонь на плечо. Сжал толстые пальцы. От его руки пахло хлоркой – Дениса чуть не стошнило.

Черт. Внезапно Денис понял, что сейчас сделает, но остановить это уже не мог.

Радостная волна бешенства накрыла его с головой.

Сержант потянул Дениса за плечо. Денис молниеносно повернулся, скручивая корпус, как пружину, поднырнул под руку сержанта. Тот моргнул, в следующее мгновение Денис вынырнул с другой стороны и четко выстрелил апперкотом сержанту в челюсть.

Н-на!

Удар был звонкий, четкий. «По красоте».

Сержанта Федорчука подбросило, отнесло на несколько шагов. Он неловко дернул головой, глаза осоловели. Денис увидел на щеке сержанта смазанный след крови. Опустил взгляд. Его рука словно пылала в огне, сквозь повязку на пол капала кровь. На плитках пола расплывались красные кляксы.

«Ударил больной рукой. Вот я уникам».

Время замедлилось, как бывает на ринге.

Сержант сделал шаг назад – и осел на пол.

Капитан вскочил, трубка полетела на пол. Бдынь! Где-то далеко внутри здания завывла сирена.

Жуткий крик женщины. Капитан замер. Денис повернулся к двери – он вдруг понял: что-то случилось с Аней.

«Это там, в уазике».

В следующее мгновение Дениса сбили с ног, бросили лицом в кафельный пол. «Прохладный», – подумал Денис с удивлением. Он приник пылающим лицом, наслаждаясь. В следующее мгновение все утонуло в новой вспышке боли – ему вывернули руки в суставах. Перед глазамиплыли огненные пятна.

«Аня». В последний момент он все-таки рванулся к ней... Жесткое колено придавило шею. И воздуха не стало.

Глава 4

Звонок

Следственный комитет разместился в здании бывшей советской школы. Верхний этаж – евроремонт. Светлые коридоры, стены, обшитые матовыми пластиковыми панелями бежевого цвета, плафоны дневного света, металл и хром, капиталистическая современность. А нижний этаж так и остался в Советском Союзе. Но его обычные посетители видели редко.

Любой, кто входил в здание и поднимался на второй этаж, попадал в бесконечные пустые коридоры. Сейчас у дверей кабинета, как раз под плакатом «Их разыскивает полиция», сидели двое. Пожилой мужчина потел и нервничал, вытирал лоб и озирался. В руках у него был измочаленный листок с повесткой. И рядом красивая молодая женщина современного вида, лет тридцати, в бледно-розовом деловом костюме и юбке-карандаш, на ногах блестящие бежевые туфли с высокими каблуками.

На лицах посетителей обреченность. Они ждали уже давно. Пожилой заметно нервничал, точно чувствовал себя виноватым – это известная особенность казенных помещений.

Женщина, наоборот, словно заранее настраивала себя на бескомпромиссную битву.

Время шло. Пожилой несколько раз бросал взгляд на со-

седку, но заговорить не решался. Потом наконец откашлялся и заговорил. Голос у него был хриплый и неуверенный.

– Вы к кому? – спросил пожилой. Она с удивлением посмотрела на него, словно подал голос пыльный фикус в углу.

– Я вот к Васину... – продолжал седой. – Старшему следователю, знаете такого? Написано в десять-десять. Да чего-то все не зовут. Так вы тоже к Васину?

Женщина пожала плечами.

Вдруг за дверью кабинета раздался звонок телефона. Резкий и пронзительный, словно сирена. Посетители вздрогнули. Пожилой втянул голову в плечи, женщина оглянулась и фыркнула.

Телефон продолжал звонить.

Звонок разносился по зданию, резонировал в пустых коридорах. Телефон звонил и звонил.

Пожилой сморщился, покрутил головой, женщина поджала губы.

Долгий, режущий по нервам звонок.

Вдруг пожилой поднял голову. В коридоре показался молодой человек в штатском. На нем был дорогой, отлично сидящий серый костюм-тройка, тонкая золотая цепочка на запястье.

Молодой человек торопливо прошел мимо посетителей. Женщина на мгновение привстала...

– Потом, – сказал молодой небрежно. Женщина помедлила и села.

Человек в костюме достал ключ с биркой, открыл дверь. Вошел и захлопнул ее за собой.

Пожилой посмотрел на женщину и сказал:

– Вишь как. Мы-то для них никто.

Женщина с досадой пожалала плечами.

Старший лейтенант юстиции «важняк» Васин прошел вглубь, к столу. Кабинет выглядел как офис бизнесмена средней руки начала двухтысячных. Деньги и возможности уже есть, а вкуса пока нет. Все тот же навязший в зубах безликий евроремонт, все те же бежевые пластиковые панели, зеленая кожа отделки стола, все те же золотые органайзеры, личный календарь, которым никто никогда не пользовался, портрет Самого в строгой раме на стене. Нарушал общую евростерильность только огромный сейф в углу кабинета: грубый металл в наплывах серой краски.

На столе стоял телефон-селектор. Телефон опять разразился пронзительной трелью, лейтенант поморщился.

Он, чуть помедлив, снял трубку. Выбрал и нажал кнопку. Щелк.

– Следственный комитет... слушаю!

В трубке ответили. Слегка брезгливое выражение на лице лейтенанта мгновенно, как по волшебству, изменилось.

– Васин! – раздался в трубке резкий начальственный голос. – Какого... трубку не берешь?!

Лейтенант порадовался, что Максимыч его не видит – иначе бы точно вставил пистон за гражданскую одежду. Сле-

дователь на рабочем месте должен быть в форме, с начищенными погонами, отутюжен, чисто выбрит и взмылен от усердия.

– Виноват, – он невольно вытянулся по струнке. «Это уже привычка», – раздраженно отметил лейтенант. В штатском это выглядело странно. В стеклянной двери шкафа отражался растерянный молодой человек. Лейтенант передернулся. Он привык воспринимать себя, свой образ по-другому. Самоуверенность и вальяжность «крутого следака» слетели с него в мгновение ока, остался только этот... молодой выскочка в отражении.

– Еще как виноват! – подытожил Максимыч. – Юрьевна где?!

– Светлана Юрьевна? – Лейтенант оглянулся. – Она сейчас в допросной...

– Я звоню, она не берет. Вы что там, совсем охуели без меня?! У нас, блять, аврал, а они на звонки не отвечают!

– Так, наверное, она мобильный выключила... – начал лейтенант.

Максимыч прервал его потоком ругани и проклятий. Потом начальник кратко, зато красочно описал, что случилось, – лейтенант охнул. Новости были еще те.

– Бегом! – скомандовал Максимыч и бросил трубку. Гудки.

– Есть бегом!!

Лейтенант осторожно положил трубку на рычаг, помед-

лил. Задержал взгляд на портрете Самого. Казалось, Сам сейчас приложит палец к губам – мол, храни государственную тайну. «Такое попробуй сохрани», – подумал лейтенант. Новости жгли его изнутри, как напалм.

Лейтенант вышел из кабинета, аккуратно закрыл дверь. Оглядел пожилого и женщину, явно не понимая в этот момент, кто они. Мысли его витали далеко. Васин рассеянно положил ключ в карман пиджака – и вдруг сорвался с места, побежал.

Пожилой и женщина посмотрели ему вслед, переглянулись. Пожилой дернул плечом: «Я же говорил».

– Суки, – сказала вдруг женщина отчетливо. Пожилой подумал и кивнул.

– Я же говорил, – сказал он.

Глава 5

Следачка

Кофейная горечь камнем горела в желудке. Юрьевну угостил знакомый опер из управления, заскочивший в СК «буквально на пять минут», отдать документы. И, как водится у оперов, околачивавшийся в СК уже часа два, пока она не отправила его обратно.

Опера – крутые ребята, но с ними нужна железная рука.

Кофе у оперов был настолько плох, что даже вошел в местные легенды. Он не бодрил, а вызывал долгоиграющую мутную злость и раздражение желудка. Прививка от человечности, как сказал однажды Максимыч. Такой кофе хорошо брать с собой в засаду или на ночное дежурство. Юрьевна покачала головой. «Зачем я вообще согласилась?» Кофе был горячий, в зеленом советском термосе и отдавал жестким привкусом металла. Точно, горячий, вспомнила она. Над кружкой поднимался пар. На это она и купилась.

Если сейчас подняться на второй этаж, можно выпить хорошего, по-настоящему хорошего кофе из дорогой кофемашины – и сделать это в тишине и уюте, сидя на кожаном диванчике. Но – это же надо подняться. Время, силы. На фиг, на фиг.

Капитан юстиции, старший следователь по особо важным делам Меркулова Светлана Юрьевна – для коллег просто

Юрьевна. Ей недавно исполнилось сорок лет, но Юрьевой она стала в ту же минуту, как пришла работать в милицию (тогда еще милицию). В юридической академии Юрьевна снова на некоторое время стала Светой, но это быстро закончилось. Максимыч забрал ее с третьего курса в прокуратуру, потом потянул за собой в следственный комитет, а затем – через некоторое время – и в главное управление СК.

Сейчас, в допросной, Юрьевна была одета как на бал. Который, правда, закончился два дня назад... «Поэтому королева выглядит слегка помятой», – мысленно съязвила она. Ага. Юрьевна была красивая, стройная женщина с жестковатым лицом. От природы светло-русая, но волосы красила. Чуть выше среднего роста. Серая шелковая блуза, кожаные брюки винного цвета. Брошка с жемчужинами. Белые кроссовки. Стрижка и окрашивание стоили целое состояние... И занимали, кстати, вагон времени. Юрьевна вздохнула, повернулась к арестанту. Такой роскоши, как свободное время, ей еще долго не видать.

За двое суток, прошедших с момента побега Реброва (Доктора млять Чистоты), она спала часа три, урывками. И даже не успела съездить домой, чтобы переодеться.

Когда беглецы совершили побег, Юрьевна как раз ехала на выставку современной живописи в ЦДХ – давно обещала Полине. Полина теперь смертельно обижена, неделю не будет разговаривать. Юрьевна вздохнула. Придется что-то придумать... но потом. Потом.

Она положила на стол пухлую папку в сером картоне. Дело номер... да какая разница? В деле было уже несколько сотен томов: целая комната забита, а в связи с побегом писанины предстояло еще километры и километры. Можно весь земной шар опоясать, выложив листы в ряд, один за другим. Юрьевна хотела зевнуть, но кофе напомнил о себе – и она передумала. Ладно, используем эту мутную злость в конструктивных целях.

Вокруг смыкались и слегка пульсировали выкрашенные в ядовито-зеленый цвет стены. Решетки коричнево-красные, словно засохшая кровь. В центре комнаты огромный древний стол, видевший динозавров и советских школьников. Он был сдвинут так, что допрашиваемый буквально ощущал себя притиснутым к стене. Крошечное зарешеченное окошечко под потолком. Комната дознания.

Юрьевна перевернула страницу. Просто для начала разговора.

– Медь, значит?

Напротив нее сидел человек с характерной зэковской поджаростью – такую на воле не получишь.

Зэк поднял голову. Ухмыльнулся, коротко сверкнули фиксы.

– Ну, Медь, и что?

Половина зубов у него была железная, между ними затесалась пара золотых. Юрьевна могла поклясться, что на одной из золотых «фикс» есть след от плоскогубцев.

Она покачала головой. Насмешливо и сочувственно:

– Меднов Сергей Александрович, семьдесят восьмого года рождения. У тебя уже сын взрослый, вторая ходка, а ты все Медь.

Зэк оскалил зубы – родные у него были желтые и мелкие.

В стальном ряду они смотрелись как приемные.

– А ты моего сына не впутывай, он у меня пацан ровный!

Юрьевна наклонилась над столом, посмотрела на зэка в упор. Заговорила негромко, с доверительной интонацией:

– Сережа, мы с тобой, к сожалению, не один год друг друга знаем. Скажи мне, кто организовал побег? И я пойду дальше на работу, таких, как ты, арестовывать, а ты обратно в камеру – в карты доигрывать... или чем ты там занят обычно?

Сэкономим друг другу массу времени. Ну как? Готов?

Медь спокойно улыбнулся.

– Вот ты неутомная, – сказал он.

Светлана Юрьевна выпрямилась. Интересный поворот.

– Книжки читаешь?

Медь от неожиданности моргнул, вскинул худой скошенный подбородок.

– Чего?!

Она улыбнулась.

– Книжки, говорю, полюбил читать, Медь? Слово-то книжное, не ожидала от тебя.

Он пожевал губами, жилы на шее натянулись, словно канаты в шторм. И подрагивали.

– Ну полюбил, и че? – Ох уж эта сидельческая дерзость.

Юрьевна пожала плечами.

– Просто приятно видеть, как человек берется за ум. Пускай и под старость.

Зэк посмотрел на нее с ненавистью – и почти уважением.

– Чеканутая ты!

– Вот, другое дело. Теперь узнаю старого доброго Сережу Меднова.

– Чего тебе надо? Я ничего не знаю.

– Я и не сомневалась.

Юрьевна аккуратно отряхнула с блузки невидимые пылинки, вернулась к двери и подняла за ручки картонный ящик, стоящий на полу. Переставила его на стол, аккуратно сдвинула, чтобы он стоял параллельно краю стола, – и начала приготовления. Медь смотрел. Юрьевна неторопливо доставала карандаши (простые, разной мягкости – от 2Н до 2В), автоматические ручки (синие, черные, красные) и раскладывала их на столе, строго параллельно друг другу, на одинаковом расстоянии. Так, теперь ластик... корректор... Руки Юрьевны привычно порхали.

Медь угрюмо смотрел на ее приготовления. Юрьевна была права: они были знакомы давно. Но кажется, свой ритуал при нем она еще не проводила. Поэтому Медь не понимал, что происходит.

– Что?..

– Тихо, – она даже не подняла головы, продолжая рас-

кладывать принадлежности. Блокнот для записей – с красной обложкой, это для важных фактов. Его положить слева. Блокнот с вынимающимися листами – для записи мыслей, которые приходят в голову во время допроса. Его место справа, чуть выше. Официальные листы, которые на подпись, – на своем, раз и навсегда определенном месте. Посередине и чуть правее, чтобы удобнее было работать...

Наконец Юрьевна закончила приготовления. Переставила пустой ящик на пол, к ножке стола, выровняла. Все должно быть идеально, симметрично и по линии. Юрьевна достала влажные салфетки и тщательно протерла руки, сложила использованные салфетки в отдельный пакет, убрала его в ящик... Медь пялился на происходящее и иногда недоуменно моргал.

Юрьевна отодвинула стул, села и придвинула так, чтобы осевая линия стула совпала с осевой линией стола. Вот теперь хорошо. Она знала эти особенности за собой и не противилась.

Юрьевна посмотрела на Меднова и покачала головой.

– Врач сказал, ты на желудок жалуешься.

Медь неловким движением поджал губы, словно целиком подобрал подбородок. Острый кадык дернулся вверх и опал.

Медь посмотрел на Юрьевну. Глаза запавшие, с мучительным блеском.

Юрьевна сочувственно улыбнулась ему:

– А почему инвалидность себе не выбил? Хорохоришь-

ся все, а был бы идейным, в двадцать лет уже с инвалидностью ходил бы, чтобы в ШИЗО лишний раз не загреметь. Как, кстати, тебе пониженная норма питания? – Она резко сменила тему. Медь поднял брови.

– Пытку голодом в совке еще отменили!

Она засмеялась. Медь угрюмо набычился, замолчал.

Юрьевна ласково сказала:

– Ну, вот в Гаагский суд жалобу и напишешь. Бумагу с ручкой дать?

Медь отвернулся.

– Эй, Медь? Обиделся, что ли?

Медь угрюмо смотрел в сторону. Юрьевна вздохнула.

– Ладно... Давай просто и вежливо. Мне, может, тоже неприятно с таким букой, как ты, здесь сидеть и разговаривать, но я же делаю над собой усилие. Кто это был? Постарайся, Сережа, блесни интеллектом. Не зря ведь книжки читаешь. А то будешь через матрас крутиться, пока язву не заработаешь. Оно тебе надо?

Жила на шее Меди дернулась. «Через матрас» – когда заключенный отсиживает максимальный срок в штрафном изоляторе, ему дают переночевать одну ночь в общей камере, чтобы не нарушать нормы, – и снова засовывают на пятнадцать дней в одиночку, без общения, передачек с воли и солнечного света. На третий-четвертый цикл любой взвоят.

– Ты меня на понт не бери!

– А вдруг это рак желудка?

Медь замолчал. Он сидел неподвижно, и только жилка под левым глазом тонко дрожала.

– Врешь, – сказал он наконец.

Юрьевна пожала плечами. «Самое смешное, что мне даже врать не надо. Все так и есть. Ты сам за меня себе соврешь».

Она равнодушно улыбнулась. Медь насторожился.

– Как знаешь, – сказала Юрьевна. – Может, это просто запущенный дисбактериоз? Хотя можно было бы организовать проверку. Как считаешь? Если тебя что-то действительно беспокоит... можешь мне намекнуть, я пойму.

Медь молчал. Только его молчание теперь было другим. Юрьевна чувствовала запах страха – не перед ней, а перед тем, что сидит у Меди глубоко внутри, в кишках.

– А ты знаешь, что раковую опухоль представляют неправильно? – спросила она.

– Ч-что?

Медь растерянно огляделся.

– Это шаблон, – сказала Юрьевна. – Просто... Почему-то все думают, что раковые клетки – они черные. И опухоль черная. Возможно, это пошло от старых образов, еще из Средневековья. Черная чума, черная смерть, черная весть... А она белая...

В глазах зэка вдруг заметались искры паники. Юрьевна кивнула.

– Даже не так. Раковая опухоль не белая, а нежно-розовая. Понимаешь? Она выглядит как совершенно здоровая ткань.

Но при этом убивает. Не знаю, как тебе, а для меня это был шок.

Медь сглотнул, жилка у глаза дернулась.

– Хватит уже, – сказал он хрипло. – Спрашивай, что хотела.

– Розовая, а? Как тебе такое?

– Я сказал, хватит!

Юрьевна кивнула сочувственно.

– Есть такие люди, Медь. Они как рак... Я вот что думаю. Ты не просто так отстал от этих двоих, – она помедлила, отметив мысленно, что Меднов чуть напрягся, невольно выдавая себя. – Ты сбежал от них. И правильно, ты же нормальный человек, верно? А не эти... не этот... Я думаю, было так. Ты дождался, когда «скорая» притормозит на повороте, открыл дверь и выпрыгнул. Ну, порезался, ну, побился. Ерунда. Зато живой. Это все я знаю, можешь не говорить. Но у меня вопрос, на который я никак не могу найти ответ. Зачем ты вообще в это влез? Зачем помог Реброву устроить побег?

Медь молчал. Но что-то в нем изменилось. «Сейчас, – подумала Юрьевна. – Сейчас я его дожму».

Медь облизнул губы, быстро-быстро, словно змея высунула язычок. Она отслеживала его реакции. Руки на столе чуть задрожали. Ага, принимает решение.

Медь поднял взгляд. Открыл рот, чтобы заговорить...

С громким скрежетом металла открылась дверь. «Да блять», – в сердцах подумала Юрьевна.

– Светлана Юрьевна... – сказали за спиной.

– Не сейчас, – произнесла она сквозь зубы. Юрьевна не оборачивалась, держа Медь взглядом.

– Медь?

«А он только собрался заговорить. Идиоты, везде одни идиоты».

– Ничего я не знаю, – сказал Медь. И закрылся. Юрьевна мысленно выматерилась – опять все придется начинать сначала. Она повернулась.

В дверях стоял Васин. Лицо молодого лейтенанта было напряженным. «Что-то случилось». Юрьевна кивнула ему и поднялась на ноги.

Васин тут же стремительно подошел – он был выше ее ростом и крупнее, наклонился к ней. Юрьевну обдало ароматом дорогого мужского парфюма, пота, хорошего кофе – и возбуждения. Васин, казалось, вот-вот взорвется от того, что знает. Знание бродило в нем и искало выход. Васин приблизил губы к ее уху – его дыхание защекотало шею. И наконец заговорил...

Юрьевна выслушала.

Затем повернулась и пошла к двери. Шаг у нее был энергичный, почти мужской. Следом выскочил лейтенант. С грохотом захлопнулась дверь. Металлический скрежет замка.

Тишина.

Вещи Юрьевны остались на столе перед эком. Медь подождал, потом беспокойно оглянулся. Про него словно за-

были.

Медь растерянно повертел головой. В допросной было пусто.

– Э, а я?

Глава 6

Юрьевна

– Это правда? – спросила она за дверью. Васин торопливо кивнул.

– Хорошо, пошли.

Они поднялись на второй этаж. У дверей кабинета Юрьевна остановилась, оглядела посетителей. Пожилой заерзал, женщина в розовом привстала, собралась заговорить, но наткнулась на взгляд Юрьевны – и смутилась. Села обратно и зачем-то поправила юбку. Ноги у нее были красивые.

– Это кто? – спросила Юрьевна вполголоса.

Васин поморгал.

– А! Эти... – он с трудом вспомнил. – Вызвал как свидетелей.

– По какому делу?

Васин входил в особую группу Максимыча, и дело у них было только одно – дело Доктора Чистоты. Тимофей Геннадьевич Ребров, серийный убийца. Правда, случаев до хрена – доказанных два, а сомнительных восемнадцать. Одних дел накопилось уже на шестьсот томов. Маньяк действовал на широкой территории, изобретательно и нагло, часто менял почерк, словно издеваясь над теми, кто за ним охотился.

– Ну, вон тот... потертый. Он вроде как видел Реброва, когда тот спускался от квартиры Свечникова... Или кого-то

похожего...

– А длинноногая?

Васин моргнул. Брови его поползли вверх.

– Ээ... она, кажется, по делу Росликовой, какая-то коллега по работе. Они в одном офисе работали, ну, прежде чем... Виделись, может, болтали у кулера... не знаю. Еще не снимал показания. А что?

Александрю Росликову и Веру Чиркову убили после нескольких дней издевательств и пыток. Убийца заставил Росликову смотреть, затем пытать и увечить вторую, Веру. Росликова была сильная и не сдалась, отказалась. И тогда Доктор Чистота поменял их ролями. И слабая Вера, плача и умирая от сепсиса (ее убийца поймал на две недели раньше и уже обработал), пытала Росликову и резала ее ножом и пилила пилой, пока убийца смотрел, командовал казнью и наслаждался зрелищем. Следы его спермы найдены на половине вещей в подвале, на стенах, на полу, на телах жертв и даже на потолке. К сожалению, оказалось, что группа спермы и группа крови не совпадают. Ребров оказался из тех редких людей, у кого они разные.

– Так сними показания, – велела Юрьевна.

Васин подался вперед и заморгал, не веря. Бедный «золотой мальчик».

– Так я же... с вами... Я хотел на место...

Юрьевна покачала головой. Васин – он же «Васенька» – был новенький, толку на месте преступления от него было

немного.

Васин никогда не работал на «земле», его сразу после академии продвинули в область, он отработал (скорее числился, ядовито подумала Юрьевна) там три месяца, а потом папа через крутых знакомых продавил его в Главк, на резонансное дело (будь оно опять же неладно, подумала Юрьевна).

– Сделаешь, догоняй. Только все как положено, смотри, проверю. Без халтуры.

Васин нехотя кивнул.

– Вот и умница, солнышко. Да... Телефончик у длинноногой возьми, – заметила Юрьевна словно между делом.

– Что?!

– Вдруг мне тоже понадобится... снять показания.

Васин заметно повеселел. Решил, что нащупал слабую точку коллеги. Все-таки у этих, из высших сфер, свое мышление, инопланетное. Везде ищут, кому выгодно, кто на чем сидит (от наркотиков до темных дел в прошлом), и нащупывают рычаги давления.

Васин – мальчик милый, но испорчен судьбой генеральского сына... или чей он там сын? Юрьевну это мало интересовало. Главное, что Васеньку толкали вперед, к вершинам следственной карьеры, аки Моисея через море – на его пути вода сама, услышав имя папеньки, расплзлась в стороны.

Интересно, Максимыч в курсе, что его хотят сплавить на пенсию, а вместо него поставить молодые наглые кадры? Конечно, в курсе. Старый боров свой хлеб знает. И сожрет мо-

лоднык в очередной раз, не подавится. Хотя папаша у Васи силен, силен. И все-таки Максимыч – это Максимыч. Даже представить страшно, как вот эти молодые стильные косточки нежно хрустнут на желтых выщербленных клыках...

– Все, я на место, – сказала она. – Займись свидетелями. Понял?

Васин обреченно кивнул.

Она надела пальто. Вот и сходила на выставку. Работа, работа. Прямо как на «земле».

– Служебку заказать? – оживился вдруг Васин.

– Не надо, я на своей. Так быстрее.

Юрьевна сбежала по лестнице. И вдруг остановилась.

«Подожди, – сказала она себе. – А не забыла ли я кое-что?»

Ах, да. Мои переживания по поводу... Свечников, Свечников».

Она достала из косметички зеркало, тщательно прорепетировала выражение своего лица, подумала, кое-что поправила... Бровь повыше, не пережимать. Еще раз прорепетировала... Вот, теперь убедительней.

«Девять тел, насильственное. Ребров мертв. Свечников убит», – вот что сказал ей Васин в допросной.

«Эх, Свеча-Свеча, – подумала она холодно. – Допрыгался, дурак. Говорила я тебе...» Попыталась выдавить слезу – не получилось.

Ладно.

Она вышла из СК, нашла за забором машину – белый

«мерс» 1984 года выпуска. Юрьевна села за руль, вставила ключ в замок зажигания и завела двигатель. Он ровно и мощно заработал. Машина хоть и была почти антиквариатом, но это была крутая машина, старое немецкое качество. Тевтонские мощь, основательность и скорость. Классные кожаные сиденья, деревянная отделка салона, шесть цилиндров.

В такой ее изнасиловали, а потом выбросили голой и избитой на дорогу. Зимой. Девчонку пятнадцати лет.

Она поднялась и пошла, истекая кровью, по дороге, чтобы выжить... Шла и материлась так, как никогда больше. И выжила.

Ладно, машина была не такая же... Юрьевна провела ладонями по рулю, наслаждаясь ощущением.

Машина была *та же самая*.

Глава 7

Таинственный звонок

Он помнил предыдущие события, словно они случились во сне.

Вот он пришел в полицию. Повздорил. Ударил сержанта.

Вот его скрутили.

Крик Ани. Суета.

Камера. Снятие показаний. Денис отвечает путано и односторонне.

Полицейских человек пять. Кто-то на кого-то орет... Потом двое по очереди орут на Дениса. Один спрашивает спокойно и даже сочувственно. Голова болит зверски.

Палец (отсутствующий) пульсирует в другой вселенной.

«Ты убил? Мы просто спрашиваем... Чистосердечное признание облегчает...» Денис наконец смеется – страшно и безумно, даже для себя самого.

– Я знаю, где еще куча трупов, – говорит Денис. Полицейские переглядываются. – Хотите?! Доктор Чистота – вы ведь его ищете? Хотите посмотреть на его работу?

Денис смотрит на полицейского (это какой-то майор) и говорит, говорит.

Полицейский меняется в лице. Что-то приказывает другому, тот убегает. Денису все хуже. Вокруг все темнее.

– Где это? – спрашивают его. – Где? Парень, проснись!

Денис не может сказать. «Я не помню», – думает он. Потом его озаряет.

– Телефон Степыча, – говорит он. – В машине, разряжен, правда. Но если зарядить... GPS-навигатор. Там по отметке та больница.

Кровь сквозь повязку на искалеченной руке капает на пол... Целая лужа на полу. Повязка набухла. Вот кровь течет уже потоком. Головокружение и отдаляющиеся голоса.

Вот кто-то куда-то бежит. Резкие голоса. Падающая набок комната.

– Что с ним?! – Его снова тормозят и спрашивают.

Денис падает. Все взмывает и улетает куда-то к чертовой матери.

– Адвоката, – вместо Дениса словно говорит другой человек. Денис чувствует, как медленно, тяжело шевелятся его пересохшие губы. – Мне нужен адвокат...

– «Скорую»! – кричит кто-то. – Быстрее, ну!

Темнота.

Блаженная темнота.

Блаженная, блаженная, блаженная темнота.

Можно не помнить.

Можно не быть.

Дениса нет.

Очнулся он уже в больнице, отмытый и перевязанный. Денис лежал голый, под простыней, на койке в отдельной палате. Вокруг все белое. У дверей стоял полицейский. С Денисом коротко переговорила женщина-врач, кивнула и вышла. Появился еще один полицейский, капитан, который задал пару вопросов, потом объяснил, что сейчас к Денису придет государственный адвокат.

Так и вышло. Скоро адвокат появился. Сел к столу рядом с кроватью и начал заполнять бумаги – словно Дениса здесь нет. «Прекрасная клиентоориентированность», – ядовито съязвил бы прежний Денис. Этому, пережившему ночь в компании с маньяком, было все равно.

Имя-фамилию госадвоката Денис не запомнил, хотя тот и представился. Невзрачный дядечка с самоуверенными манерами задал Денису пару вопросов, выслушал, но, кажется, его это не очень интересовало. Единственное, что он объяснил Денису, – по месту уже выехали полицейские и они там в шоке. Куча трупов, как Денис и говорил. И пожар. И да, та самая «скорая», на которой сбежали заключенные, найдена около больницы. Теперь наряды пожарных тушат огонь, охвативший здание, чтобы полицейские могли зайти внутрь.

– Ты теперь пойдешь как свидетель, – сказал адвокат. Протянул Денису телефон – смартфон-китаец, дорогой и

стильный. – Все худшее позади. Вот, возьми телефон. Можешь позвонить родственникам, сказать, где ты. Только недолго. И все, расслабься, худшее позади.

«АДЕКВАТНЫЕ ЛЮДИ. АГА-АГА».

– А нападение на полицейского? – спросил Денис хрипло. Адвокат подумал и пожал плечами.

– Ну, дел ты натворил, конечно. Ладно, разберемся. У тебя состояние аффекта, стресс, я понимаю. Хотя это отдельное дело. Кстати, можешь подать жалобу в прокуратуру на неправомочные действия дежурного. Но я думаю, разрулим полюбовно, они тоже были сильно не правы – ты, главное, отвечай честно и открыто на все вопросы, это важно... Понимаешь?

Денис молчал, желваки напряглись вокруг рта. Он почему-то сразу понял, что адвокат не на его стороне.

– Звони, я сейчас вернусь, – сказал адвокат. Пошел к выходу из палаты.

Денис тупо смотрел ему в спину, потом спохватился.

– А девушка? – запоздало окликнул он адвоката. – Девушка, что я привез. Аня?

Спина остановилась. Адвокат обернулся, пожал плечами. Лицо у него было устало-самодовольное. Кажется, он хотел зевнуть, но сдерживался.

– Не знаю. Увезли в больницу, кажется, – сказал адвокат. – Придет следователь, спросишь.

– А...

– Код разблокировки ноль-ноль-ноль и дальше. Позвони. А то там волнуются. Да, телефон не поцарапай, новенький совсем... Я пока кофе выпью. Здесь же есть кофе?

Адвокат вышел.

Денис тупо смотрел на телефон в своей левой, здоровой руке. Положил его на одеяло, посмотрел на израненную правую. Ее перебинтовали заново, хорошо и качественно. Дали Денису таблетку обезболивающего и антибиотика. Но теперь рука болела – словно повязка была слишком тугой. Денис с трудом удержался, чтобы не попробовать ослабить бинт.

Выругался сквозь зубы. Терпи, сказал он себе.

Как спортсмену, травмы ему были не впервой. Правда, надежда на то, что отрезанный палец найдут и пришьют на место, была призрачной (он слышал о таких случаях, а один приятель рассказывал, что случайно отрубил себе палец топором, но сразу сообразил и сунул его в снег до приезда «скорой»). От слова «скорая» Денису чуть снова не поплохело.

Он вспомнил ту «скорую», стоящую у больницы. Черт, знать бы тогда... «Да я бы за сто километров обошел бы ту больницу и ту «скорую».

Он решился. Помедлил и, придерживая телефон забинтованной рукой, левой набрал номер, который помнил наизусть.

«Папа». Денис помедлил, выдохнул. «Что бы я только не отдал, лишь бы не звонить и не сообщать того, что сейчас

сообщу...»

Гудок. Гудок. Гудок...

На седьмом звонке сбросился, телефон сообщил, что абонент вне зоны доступа, перезвоните позже.

Денис выдохнул и откинулся на подушку. Белая и чистая, как хорошо. Он прикрыл глаза, только сейчас осознав, насколько смертельно устал за прошлые сутки. «Я буду спать день и два... и всю неделю. Весь месяц». Всю жизнь.

Денис прикрыл глаза. И незаметно для себя провалился в сон.

* * *

Красные и черные сполохи, круги, квадраты, треугольники, провалы. Мучительные геометрические фигуры, в которые он проваливался, как в кошмарную яму, полную черно-красных видений. И падал. Падал. И падал. Он знал, что это сон, но не мог проснуться.

Денис открыл глаза. Во рту сухо, сердце стучало ускоренно и как-то нутужно, с замираниями. Подташнивало.

Обезвоживание, подумал Денис. Надо было залить в себя жидкости и электролитов перед сном. С таким остаточным после пьянки идти на тренировку – это смертельный трюк, не каждому по плечу. Сегодня же тренировка? Придется идти, а то Паханых будет возбужать. И так уже две недели пропустил.

Паханых – Павел Иванович – был тренером старой советской закалки. Новые методики он не признавал (хотя и отслеживал), а старый способ у него был один – иди в зал и вкалывай до потери пульса.

Сердце билось в груди, с натугой перекачивая загустевшую, тяжелую кровь. Денис поморщился. Пульс все так же оставался частым. Стресс? Может быть, стресс. Черт знает. Выходной же вроде? Денис повернулся на другой бок, натянул одеяло. И вдруг вспомнил.

Денис резко открыл глаза. Перед глазами был белый потолок, по нему бежала неровная трещина.

Запах крови и гнили лез в нос... Денис моргнул. Трещина исчезла. Запах тоже исчез, сменился на стерильно химический. Похоже, измученный стрессом мозг продолжал подкидывать свои фокусы...

Едкий запах больницы. Денис вспомнил, как в детстве лежал в больнице – один, с мамой. Видимо, тогда ему было года три-четыре. Чем он болел? «Не помню», – подумал Денис. Какая уже разница... Он вдруг ясно увидел, как маленький Денис встает и выглядывает в окно. И видит отца.

Отец стоял под ветвями и ждал. Маленький Денис закричал ему, но было понятно, что отец не слышит.

Отец стоял, смотрел по сторонам, а в один момент задрал голову. И взглянул на Дениса.

«Просто совпадение». Ага-ага.

Из детства Денис запомнил только отдельные кусочки. И

один из них как раз этот: больница, окно, отец стоит под деревом и ждет. А потом поднимает голову.

И взгляды их – и отца, и маленького Дениса – выстраиваются в единую линию.

«Если бы так было... – подумал Денис с горечью. – Если бы...»

* * *

У входа с той стороны двери дежурил здоровенный полицейский. Денис видел, как сквозь стекло просвечивает его силуэт. Черная бейсболка... Денис скривился, вспомнив, как приложил такого же, в кепке, с правой руки... «Дурак, что я наделал...»

Где-то рядом, на кровати, завибрировал телефон. Денис долго приходил в себя, не понимая, где он находится и откуда идет этот мучительный, болезненный звук. Потом сообразил. «Телефон». Огромный черный смартфон, что оставил адвокат. Денис сквозь сон нащупал телефон и вытащил. Усилием непослушных пальцев смахнул экран вверх – и увидел, кто звонит. Надпись на экране вывела знакомый ряд цифр. Номер отца. «Папа».

Пальцы казались толстыми и неуклюжими, словно чужие. Да что ж такое! Денис с трудом удержал телефон в руках. Поднес к уху, едва не уронив.

– Папа? – сказал Денис хрипло. Прокашлялся, прочистил

горло: – Папа, это я.

Полицейский на входе едва заметно повернул голову. Денис видел его размытый черный силуэт сквозь матовое стекло двери. Слушает, понял Денис.

– Папа, мне нужно тебе... сказать... – он сглотнул. «Как объяснить, что Кеши больше нет? Что его убили... что он сам себя убил?»

– Привет, поросеночек, – сказали в трубке. Голос был не отцовский. – Как твоё ничего?

Дениса пронзило насквозь – словно чудовищным разрядом молнии. Затылок пробило ледяной иглой – от макушки до пальцев ног.

Комната вокруг покачнулась.

Денис не видел себя, но чувствовал, что кровь отхлынула от щек. Скулы словно занемели на морозе.

– Что ты... где? – прохрипел Денис. «Где мой отец?» – хотел спросить он, но в глотке пересохло.

– Пока с ним все отлично, – голос хмыкнул. – И будет так же... В общем, слушай.

И голос объяснил, чего хочет от Дениса.

* * *

Когда голос закончил, Денис стиснул зубы так, что они чуть не раскрошились.

– Хорошо, – выдавил он.

– Знаю, ты не поверишь, но я рад, что с тобой все в порядке, – продолжал ненавистный голос. – Как рука? Не болит?

Это было уже слишком. Волна пришла и снова накрыла его с головой. Денис закричал в трубку:

– Я убью тебя! Понял?! Найду и убью, урод!

Смешок. Гулкий и отдаленный.

– Я знал, что мы договоримся, – сказал голос. И Дениса пронзило ненавистью так, что нечем стало дышать. Грудь распирало от ярости и желания уничтожить эту тварь. Денис затрясло.

– Найду и убью!! – он заорал так, что оглушил сам себя.

Открылась дверь. В проеме показался полицейский – здоровый «шкаф» два на два. Денис размахнулся и швырнул телефон в стену. Тот разлетелся на куски. Пластиковые осколки полетели в стороны, один больно ударил Дениса в лоб.

Полицейский отшатнулся. Через мгновение он спохватился и бросился к Денису. Профессионально заломил ему руки, хотя Денис и не сопротивлялся.

Вбежала медсестра. Денис на мгновение увидел ее встревоженное лицо. Пока полицейский удерживал Дениса в захвате, она быстро закатала ему рукав и вколола что-то. Тонкая боль пронзила руку. Денис провалился в красно-черную знакомую темноту, полную криков и ярости, и вспышек мертвенного электрического света.

По мере того как успокоительное начало действовать, Денис перестал дергаться и вздрагивать. Лицо его разглади-

лось. По лицу текли слезы.

Он закрыл глаза. И снова увидел: топор взмывает вверх. На лезвии вспыхивает отблеск света.

Топор опускается.

Мерзкий звук. Мерзкий. Словно рубят плоть.

Паря в отрешенном успокоении, Денис видел это снова и снова, как трейлер одного и того же фильма. Раз за разом. Вот отрубают топором мужскую руку. Дикий крик за кадром. На железной кровати лежит человек: девушка, ее лица не видно, к кровати подключены провода, они ведут к огромному желтому аккумулятору, разряд, треск электричества. Гладкие красивые ноги бьются в конвульсиях. Чудовищный крик. Другая девушка, сидя за столом, приставляет к голове пистолет и несколько раз нажимает на курок (пусто-пусто-пусто... щелк, щелк... и...) Беззвучная вспышка. Висок девушки бесшумно разлетается, как в замедленной съемке... летят куски черепной кости и ошметки мозга... брызги крови... Белки глаз девушки медленно заполняются темной кровью, словно чернилами...

А потом включилась нормальная скорость. И все понеслось вскачь. Девушка упала изуродованным лицом в стол... Бум!

Гулкий звук выстрела погрузил Дениса во тьму.

Глава 8

Заброшенная больница

От больницы, окруженной полицией, пожарными, эмчеэсниками и репортерами, валил густой серый дым. Огонь только что потушили. Пожарные машины перекрыли все подъезды, в стороне встали несколько «скорых» и полицейские джипы. Зачем-то подогнали бело-голубой автобус с «космонавтами», омовцами, – видимо, кто-то из начальства перестраховался.

Юрьевна остановила машину, заглушила мотор, вынула ключ из замка зажигания.

Посидела некоторое время в кресле, собираясь с мыслями.

Дело Тимофея Реброва – он же Доктор Чистота, он же Белизна (некоторые газетчики писали «Смертельная белизна», как будто просто «Белизны» было недостаточно) – обросло фантастическими подробностями, хотя все сводилось к самым банальным вещам – Доктор Чистота преследовал, похищал, мучил и убивал людей. Обычное дело для нашего времени.

Причем, в отличие от многих других маньяков (того же Чикатило или Ангарского убийцы), у него не было четко определенного типажа жертвы. Доктор Чистота убивал и женщин, и мужчин, и стариков, и совсем юных. И худых, и

толстых. И рыжих, и брюнеток, и блондинок. В этом он был близок другому знаменитому маньяку – Теду Банти. Пожалуй, только детей не было в этом смертельном списке – слава богу, но и то, возможно, потому, что следствие еще не все раскопало.

Свечников обнаружил тайник Реброва – и это дало им «доказуху» для двух случаев. Единственное, что позволило «закрыть» Реброва.

Трофеи – это то, что собирает каждый серийный убийца. И их ахиллесова пята – потому что львиная доля осужденных маньяков сели из-за того, что их трофеи были найдены при обыске.

Останки мертвых тел, личные вещи убитых, одежда, трусики, фотографии и видео с телами жертв (или даже хуже – видеозаписи процесса пыток и убийства), значки, капли крови на стекле, украшения или еще что-то. Для серийных убийц это были «якоря», позволяющие еще раз пережить момент власти над жертвой...

Все это позволяет доказать вину маньяка. И порой самое сложное – обнаружить эту коллекцию трофеев... Юрьевна вздохнула. Хотя точно можно сказать, что серийники любят держать трофеи под рукой, у них зависимость, вроде наркотической, им нужен тактильный контакт, подтверждение того, что то, что они сделали, было на самом деле.

И коллекцию Реброва – вернее, часть ее – они со Свечниковым нашли. Точнее, Свеча нашел.

Жаль, что они не шлепнули урода Реброва на месте, при задержании. Но Доктор Чистота, этот кровавый маньяк, наводящий ужас на всю Москву и Подмоскovie, вел себя как паинька – выбежал в людное место и поднял руки: берите меня, мол. Сдаюсь. Все для родной полиции. Сука, подумала Юрьевна.

«А еще бóльшие суки во ФСИНе, что позволили маньяку сбежать». Всю работу псу под хвост. Юрьевна вздохнула и полезла из машины. Пора снова на любимую работу, будь она неладна... Она закрыла машину ключом. Хотя куда она денется отсюда? Юрьевна огляделась.

Высокий густой лес окружал больницу (вернее, то, что от нее осталось), единственная грунтовая дорога уходила от входа. Что это вообще за больница в лесу? Санаторий? Психушка? Юрьевна моргнула. Надеюсь, что нет.

У «скорой» – той самой, угнанной беглецами, – возились несколько человек. Один из них рулеткой обмерял все и записывал – местный следак. Надо будет поздороваться. «Но потом», – подумала она.

Из-за залитой водой земли негде было пройти. Сплошные лужи. Пожарные тушили на совесть, чуть ли не со всего района машины согнали. Кроссовки было жаль – Юрьевна помедлила, затем пошла, перепрыгивая лужи.

Перед входом снимали репортаж. Юрьевна пригляделась – ведущая была симпатичная. За спиной ведущей, как молчаливые черные статуи, возвышались несколько полицей-

ских – оцепление. Юрьевна узнала оператора – пожилой, помятый, работал давно, они часто пересекались. Сергеич, какжется? А вот ведущая была новенькая, ее Юрьевна раньше не видела.

Юрьевна перепрыгнула очередную лужу, но неудачно. Грязь все-таки попала на кроссовки. Черт.

Юрьевна подозвала одного из полицейских, стоящих в оцеплении. Тот нехотя подошел – рожа недовольная, «я на работе, мол».

Она показала ему корочки.

– Старший следователь Меркулова. Из главка.

Полицейский окинул ее взглядом, удивленно поднял брови. Посторонился, махнул рукой в сторону больницы.

– Ваши уже давно приехали, – сказал он. – Ковыряются.

Юрьевна кивнула ему и шагнула дальше.

Глава 9

Место преступления

Красивая ведущая работала на камеру.

– Уважаемые зрители, – говорила ведущая, – мы с вами стали свидетелями новой трагедии. Как вы помните, несколько дней назад трое заключенных сбежали из колонии. Вскоре один из беглецов был задержан... Мы не ожидали, что двое оставшихся так быстро найдут свой финал здесь – но прежде унесут с собой в могилу еще несколько жизней... Напоминаю, это были рецидивист Азамат Дунгаев и Тимофей Ребров, известный как Доктор Чистота... Серийный убийца и, возможно, людоед... Они бежали на машине «скорой помощи». Здесь, в здании заброшенной больницы...

Дальше Юрьевна не слушала. Ведущая транслировала в эфир привычный инфобред, мешая в одну кашу факты и выдумку. Насчет каннибализма, например. Доктор Чистота таким не увлекался.

Увидев ее, Антоша присвистнул. Два опера рядом заулыбались.

– Юрьевна, ты что, специально приперлась сюда в белом пальто?! – спросил Антоша. – Ну, ты, блин, даешь. По ходу, это перебор даже для тебя!

Только тут она сообразила, что вызывало смех и радость у

коллег и подчиненных. То-то полицейский из оцепления так на нее смотрел...

«В белом пальто. В окружении трупиков и говен. Зовите меня Д'Артаньян. Черт».

В этом тонком модном пальто цвета слоновой кости она ехала на выставку картин... Юрьевна мысленно вздохнула. Словно сто лет назад это было. А приехала на место массового убийства.

Хотя, может, на выставке тоже был еще тот треш. Это же современное искусство...

– А ты догадливый, – сказала Юрьевна. – Сам сообразил или кто подсказал?

– Вот ты язва, Юрьевна! – Антон Чибисов добродушно рассмеялся. Он вместе с двумя оперативниками курил у входа. Опера были незнакомые – один громила с рыжей бородой и в кепке, другой небольшого роста – в серой ветровке с закатанными рукавами и в черной бейсболке. Опера были в старых джинсах и кроссовках. Антоша единственный здесь щеголял в синей форме с погонами, как и положено сотруднику СКР. Отглаженный. Одежда у всех троих оказалась в следах копоти и грязи.

Антон Чибисов, как и Юрьевна, входил в следственную группу Максимыча по поиску и задержанию особо опасного маньяка, известного как Доктор Чистота.

Удивительно, но при наличии такой фамилии Чибисов был для всех не «Чибис» или любая другая птица, а всего-на-

всего «Антоша».

– Что здесь было? – спросила Юрьевна.

– А тебе не сказали? – удивился Антоша. Затушил окурок об стену. Оглянулся, куда бы бросить, но под взглядом Юрьевны смутился. Спрятал окурок в пустую пачку, закрыл ее и сунул в карман куртки. Не хватало еще наследить на месте преступления.

– Я про здание, – сказала Юрьевна.

– А что здание? – не понял Антоша.

– На психушку похоже. На отшибе. Да и мрачнюк такой...

– А! – Антоша небрежно отмахнулся. – Нет, просто больничка. Для легочных больных. Тут воздух типа целебный, чистый, сосны, всякая такая фигня для здоровья.

– Тубдиспансер? – Неожиданно подступила старая, забытая паника. Юрьевна прямо чувствовала ее биение в висках. «Тубик». Страшнее этого слова в приемнике не было. А нет, было... Вич, СПИД. Странно, но СПИДа она тогда совсем не боялась, это был невидимый враг и где-то там, а вот больных с открытой формы «тубика» она тогда насмотрелась на всю жизнь. Словно открытки из ада.

Антоша пожал плечами.

– Да не, просто для легочных. Оптимизирована пару лет назад.

Юрьевна с облегчением кивнула. «Оптимизирована» – почти как утилизирована.

– Понятно.

Она огляделась. Чудовищный маслянистый запах гари пронизывал воздух, лез в нос. Крашенный кирпичный фасад больницы, облупившийся от времени, был изуродован черными полосами. Дымные росчерки поднимались в небо. Юрьевна представила, что там сейчас внутри. Залитые водой и пеной палаты и коридоры. Залежи копоты и вагоны грязи.

Вокруг разреженной стеной поднимались в небо сосны. Юрьевне всегда нравились сосны – их запах, чистота и пустота сосновой рощи... Но не сейчас. Ей казалось, что лес вокруг больницы издает низкий зловещий гул на грани слышимости.

– Знакомься, – сказал Антоша. И она вернулась обратно.

Опера. Циничные профессионалы, которым давно на все наплевать. С виду два сомнительных типа самой бандитской наружности. Нормальные ребята, решила Юрьевна.

Звали ребят Черномаз и Зайка. Причем Зайка оказался как раз крупный, рыжий и бородатый, в кепке. А Черномаз – мелкий блондин.

«Прекрасно», – подумала Юрьевна. Весело будет читать этот протокол. Судьи любят смешные фамилии.

Обхохочешься просто.

– Юрьевна, на два слова, – сказал Антоша. Отошел в сторону, подождал. Опера невозмутимо усмехались.

Юрьевна внутренне напряглась, но шагнула за ним.

– Ну что?

Антоша понизил голос. Юрьевна вздохнула. Антоша, при

всех своих достоинствах, имел дурную склонность к театральным эффектам.

– Тело опознали, – сказал негромко. Драматически выдержал паузу, прямо твой МХАТ. – Это он.

Юрьевна на мгновение сбилась с дыхания. «Черт. Черт. Черт». Эх ты, Свеча. Странно, она готовилась, что придется имитировать чувства по этому поводу – а имитировать-то и не пришлось. Прямо бери и чувствуй. Но лучше отыграть – для других.

Вот и пригодилось натренированное выражение лица. Антоша смешался. Все знали, что Свеча и Юрьевна не разлей вода, старая гвардия Максимыча. Антоша был толковый следок, звезд с неба не хватал, местами разгильдяй, конечно. Но в целом нормальный парень.

– Сочувствую, – сказал он. Юрьевна сдержанно кивнула.

– Спасибо. Мне бы осмотреться, – сказала она через паузу. Отыграла – скорбь скорбью, но «пора заняться делом, потому что работа – лучшее утешение». Антоша кивнул.

– Ноу проблем. Вот Серега тебе все покажет. Эй, Серега, иди сюда! Он дежурил, когда... ну, ты понимаешь...

Она поздоровалась с дежурным следователем. Местный, из областных. Поздоровались, пожали руки.

– Юрьевна, – сказала она. – Главк.

– Знаю. Коломенко Сергей, область.

Юрьевна достала блокнот. Для личных впечатлений у нее был особый, серый, с шершавой обложкой. И отдельная руч-

ка – капиллярная, черная, с мягкой силиконовой накладкой. Это важно.

– Ну что... Показывай свое хозяйство, Сережа. Стой, подожди. А что эксперты сказали? Причина пожара?

– Эксперты в пути, – с презрением сказал Антоша. – И думают. Как всегда... У тебя курева нет случайно?

Она не курила, но сигареты всегда носила с собой. Некоторые мелочи важнее, чем другие. Сигареты помогают наладить контакт и разговорить свидетеля, а то и самого подозреваемого. А экспертов никто из следаков не любил. Узаконенная коррупция. Две-три «штуки» вынь да положь – чтобы результаты экспертизы пришли через пару дней, а не спустя месяцы и годы. А жаловаться бесполезно – у медиков сильна корпоративная солидарность, если рассоришься, потом свои экспертизы будешь видеть во сне. В страшном.

Она открыла сумку и вытащила пачку сигарет.

– Юрьевна, ты святая, – сказал Антоша. Он вытянул сигарету, помедлил, вопросительно посмотрел на Юрьевну, та кивнула – и вытащил еще одну, сунул за ухо.

«Эксперты в пути». Юрьевна мысленно выругалась. Экспертов никто не любит. Но работать без них невозможно, приходится терпеть и платить. При далеко не самой большой зарплате следователя.

– Надо? – Антоша протянул ей баночку с вьетнамской мазью – «звездочка», этот дивный вонючий аромат ни с чем не спутаешь. Юрьевна покачала головой. Нет.

Запах мертвых тел ее никогда не смущал.

Глава 10

Выживший

Восемь черных полиэтиленовых мешков были выложены в два ряда. Свет фонарей на станинах мертвенно, до синевы, отражался в пластике.

Антоша расстегнул молнию на одном из мешков – и Юрьевна увидела.

Тело обгорело. Огромного следака жаром скрючило, ссутило – так что он казался чучелом большой человекоподобной обезьяны. Словно в насмешку, левая половина лица Свечникова уцелела и осталась вполне узнаваемой.

Покойный Свечников скалился – жутковатой мертвой улыбкой.

Улыбка – это из-за сокращения связок под воздействием высокой температуры, подумала Юрьевна.

«Эх, Свеча, Свеча».

На Свечникове были остатки черной полицейской формы. Один погон уцелел – три звездочки старшего лейтенанта. «Что?!»

– Это как? – тупо спросил Антоша.

Юрьевна покачала головой: не знаю. После того громкого ЧП Свечников написал рапорт на перевод его из СКР в полицию – другого выбора у него не оставалось. Иначе уголовка.

Но использовать опытного «следака» как рядового патрульного – это, конечно, номер. И когда Свечу успели понизить в звании? «Или я чего-то не понимаю», – подумала Юрьевна.

– Так он же... А! – Антоша наконец сообразил. Был Свечников капитан, стал старлей.

После пропажи жены Свечникова словно подменили. Но не настолько же!

Юрьевна и Антоша переглянулись.

– А где второй? – спросила Юрьевна.

«Ребров. Доктор Чистота».

– Вот. Мы предполагаем, что это он.

Дежурный расстегнул следующий мешок. В нос ударило вонью горелого мяса. И запахом шашлыка. Юрьевна даже не поморщилась. Наоборот, в животе забурчало – давно стоило бы перекусить.

– Щас бы баранинки, да с маянезиком, – проворчал себе под нос дежурный Сергей. Следователи – это как медики, могут спокойно пожрать и рядом с трупом, циничное племя. – И водочкой полирнуть...

Юрьевна чувствовала то же самое, но поморщилась. Не все мысли стоит озвучивать...

В мешке был человек, покрытый черной коркой, словно лавой, растрескавшейся на склоне вулкана.

Черты лица не разобрать. Зубы оскалены, словно мертвец зловеще смеется.

– Почему ты решил, что это Ребров? – Юрьевна посмотрела на Антошу.

Антоша пожал плечами.

– Методом исключения. У нас два трупа в тюремной робе. Дунгаев, один из беглецов, видимо, зарезан – у него из груди торчал скальпель. К тому же у него титановая пластина в левом плече, с номером... Там ее видно. А у Реброва никаких инородных предметов в теле нет.

Юрьевна уже сообразила. Светоотражающая полоса на колене, характерная. Широкие штаны арестанта...

– Ботинки посмотри, – подсказал Антоша.

На подошве, слегка оплавленной пламенем, был четко различимый инвентарный номер. Тюремные ботинки. Видимо, обладатель ботинок носил их не так долго – номер на подошве не успел затереться. «Ребров. Это Ребров». Доктор Чистота мертв.

Юрьевна, на удивление, почувствовала облегчение. Радость. А потом досаду. Ребров мертв, это хорошо. Но легко отделался... Вот это плохо.

– Возможно, ты прав, – Юрьевна кивнула. – Ты как, здесь закончил?

– Еще нет.

Антоша потянулся и зевнул. Юрьевна поняла, что он вымотан до предела. Операм хорошо: им дают отдохнуть день после выезда на место, отсыпные часы и прочее. А следовательно завтра с утра – на работе.

– Смывы с рук? Отпечатки? – спросила она все же.

– Обижает. Все сделали. Ты вообще приехала на все говенькое.

– С меня причитается.

Антоша устало засмеялся.

– Само собой.

Когда Антоша ушел, Юрьевна продолжила осмотр. Все залито водой и желтой химической пеной после тушения пожара. Вонь страшная.

Дежурный следак балагурил и шутил. «Нашелся стендапер», – подумала Юрьевна в раздражении. Она начала уставать от этого «Коломенко, область».

– Здесь еще плавала отрубленная рука. Как резиновый утенок в ванне, представляешь? Эксперты ее упаковали.

Дежурный усмехнулся. Юрьевна повернулась и в упор, не мигая, посмотрела на него. Улыбка медленно сползла у того с лица. «Молодой, – подумала Юрьевна. – Или циник». Дежурный не выглядел молодым, лет тридцати. Юрьевна потянула носом воздух. Даже несмотря на сильный аромат гари, она чувствовала едкий запах пота, идущий от дежурного.

– Извини, – сказал дежурный наконец.

«Нет, просто дурак».

На стенах следы от выстрелов. Баллистическая экспертиза покажет, кто стрелял и из чего. Но что же все-таки тут произошло?

– Провода, – задумчиво сказала она. Дежурный повел го-

ловой, не понимая. – Обгорели. Стальные клеммы. Аккумулятор... возможно, автомобильный, большого размера. Для грузовика?

Дежурный заметно оживился.

– Да, аккумулятор был. И им, похоже, кого-то убили. Три тела мы нашли там, в комнате медперсонала, – он махнул рукой вглубь здания. – Обгорели очень сильно. Пять здесь, но обгорели меньше. И может, еще кого-нибудь найдем. Пожарные пока работают в том крыле.

«Восемь здесь. Плюс девушка в машине», – подумала Юрьевна.

– Настоящая бойня, – сказала она.

Дежурный кивнул.

– Ага, бойня.

...В группу Максимыча раньше входило четверо следователей, пока Свечников не отчебучил свой коронный номер – два проеба по цене одного. Тогда его от греха подальше и по взаимному согласию перевели в следственный отдел полиции. Насколько Юрьевна знала – Свечников там не особо прижился. Все-таки пропажа жены его сильно подкосила...

Юрьевна считала, что Нина давно мертва. Ребров, он же Доктор Чистота, не относился к типу социопатов, которые годами держат людей в заточении. Это тебе не Скопинский маньяк. Максимальный срок жизни, на который могла рассчитывать Нина, – две-три недели. И все эти две-три недели она бы точно не была здоровой и счастливой. Доктор Чи-

стота начинал пытаться жертв сразу, не откладывая надолго. «Реброва мы задержали через месяц после исчезновения Нины, так?» – подумала она. Значит, Реброву хватило времени, чтобы позабавиться и замести следы.

Увы. Свечников зря надеялся.

Ребров намекал, что знает, где Нина. Но это, конечно, была ложь.

Социопаты постоянно врут. Это аксиома.

Юрьевна огляделась. Первый этаж, огромная палата...

«Ничего не понимаю. Какой-то ебанный балет, а не место убийства. Лебединое, блять, озеро».

Дежурный несколько раз щелкнул фотоаппаратом.

Юрьевна кивнула ему:

– Не в службу, а в дружбу. Скинь кадры на почту, сейчас продикую. Пусть распечатают к моему возвращению...

Дежурный помялся. Юрьевна подняла брови – это что за номер?

– Это проблема? – быстро спросила Юрьевна.

Дежурный покрутил головой.

– Ну, как сказать, Юрьевна... – начал он. Сбился. – Вы... я... ты...

Снова сбился. Следаки называют друг друга на «ты», формальности тут только мешают.

Юрьевна прервала:

– Двадцать первый век на дворе, ракеты мчатся к Марсу, а ты не знаешь, как выложить фото в файлообменник?

Дежурный поморгал. Удивленно.

– Так это... Связи здесь нет. Глухо, как в танке. Да ты сама посмотри...

– Что?

Юрьевна достала телефон, разблокировала экран. Постучала ногтем по стеклу. А ведь дежурный прав. Телефон показывает вместо пяти делений крестик. Связи нет. «Надо же, не знала, что рядом с Москвой такие места остались. Тут до цивилизации всего ничего – сто двадцать километров, а смотри ж ты». Юрьевна покачала головой.

– А ты прав. Удивительно.

Дежурный вскинулся.

– Удивительно, что я прав?!

– Ну-ну, не обижайся. Извини, солнышко, я погорячилась.

Так что тут со связью?

– Я же говорю: мертвая зона. Поэтому сталкеры доморощенные в этот район мотаются. Связи нет, людей нет, вокруг развалины и заброшенные строения... Романтика. Прямо как в фильме... в этом... «Сталкере». И вообще, тут такой Парк советского периода по дороге. Заметила? Останки исчезнувшей цивилизации.

Юрьевна невольно вспомнила фасад заброшенного здания с пионером, указывающим рукой куда-то в светлое будущее. Иронично, да. Она проехала его перед поворотом на больницу. Ехала, кстати, по навигатору. То есть GPS тут все-таки ловит.

Юрьевна спрятала телефон, подняла голову:

– Ладно. Со связью понятно. Мне сказали, один человек все-таки выжил?

* * *

За окном снова была толпа репортеров.

«Они все собрались ради меня?» – подумал Денис. Мысль была неожиданная... и в некотором роде приятная.

«Шакалы бешеные. Падальщики. Ненавижу всех. Ненавижу».

Пришел врач. Пока обрабатывали и заново зашивали обрубок пальца, Денис не проронил ни слова, только с силой сжимал челюсти.

Денис подошел к окну. Долго смотрел на журналистов, застыв неподвижно. Рука страшно пульсировала. Появилась пожилая медсестра и сделала ему обезболивающий укол. Денис покорно лег в кровать.

Как же все это началось? Почему так случилось?!

«Вот бы отмотать время назад...» Денис скрипнул зубами. После укола мир вокруг временами начинал колыхаться розово-фиолетовыми волнами, от которых Дениса подташнивало.

«Время – назад, – подумал Денис. – Пожалуйста».

Пожалуйста. Пожалуйста. По-жалуйста.

Он прикрыл глаза.

Глава 11

Время назад

Двумя днями ранее.

Солнечный луч проник в щель между неплотно закрытыми шторами и, отрикошетив от лакированного шкафа, уткнулся прямо в глаз. Денис замычал, попытался отвернуться, но было поздно – он проснулся. За дверью громко разговаривал Кеша. «Чертов засранец», – подумал Денис о брате. Если в квартире все спали, а Денису нужно было уйти с утра пораньше или он пришел с ночного дежурства, то он носился по квартире, словно бесшумное кентервилльское привидение – кошки громче когтями скребут, когда ходят. Если же первыми просыпались Кеша или отец, то все. Они никогда не понижали голос, гремели посудой, стучали всем подряд, хлопали дверьми, смотрели телевизор, выкрутив ручку громкости до упора, словно глухие. Самые безжалостные люди на земле – это «жаворонки».

– Зая, ты скоро? – спросил за стеной голос Кеши.

– Ты всегда так подкрадываешься? – Женский голос. Это Аня.

– Ну прости, пожалуйста. Ты просто сказала, тебе нужно позвонить, а сама уже десять минут с кем-то переписывается.

– Мне теперь что, в каждом шаге перед тобой отчитываться-

сы? На, держи! Хочешь, прочитай, если не веришь.

«Опять собачатся, – подумал Денис лениво. – Когда они уже наконец разбегутся? Заколебали».

– Верю, конечно. Извини, просто соскучился, – Кеша включил фирменные интонации а-ля побитый щенок.

– Лучше бы велосипеды спустил вниз, – сказала Аня. Хлопнула дверь.

В обычный день Денис зажмурился бы и постарался уснуть – несмотря на то, что до звонка будильника оставалось всего десять минут. Но сегодня он легко поднялся с кровати. Посмотрел на упакованный с вечера подарок – сегодня отцу исполняется пятьдесят один год. Этот подарок ему точно понравится. На прошлый день рождения Денис подарил отцу книгу по истории, советовался со знающими людьми, даже съездил на ярмарку книг в ЦДХ. С трудом добытая и дорогушая книга полгода провалялась на шкафчике в туалете рядом с журналами и открывалась с характерным хрустом нечитанных книг.

Денис не мог понять, в чем дело. Потому что знал точно – эта тема отца на самом деле интересовала. И эту книгу отец точно собирался прочитать. Собирался – пока Денис ему ее не подарил. Вот так.

В этот раз Денис пообещал себе, что не будет «запариваться» с подарком...

И все равно запарился.

Последние пару лет отец подрабатывал частным извозом.

Работу он эту ненавидел, но другую искать не хотел, хотя у него было и высшее образование, и опыт работы на производстве такой – закачаешься. Когда от них ушла мать, отец изменился. Теперь он постоянно жаловался на жизнь и винил всех в своих бедах. А еще полюбил разговаривать с телевизором.

«Ауди-шестерка», остатки былой роскоши, на которой ездил отец, стояла во дворе уже несколько месяцев – безвылазно. Загорелся значок «неисправность двигателя» на приборной панели. В официальном сервисе (а другие отец не признавал) запросили астрономическую сумму за ремонт. Денис бы забил на значок и ездил, пока машина бы где-нибудь не встала, но отец был из другого теста. У него все должно было быть идеально. Или даже не стоит браться.

Денис видел, как это расстроило отца. Денис как раз устроился на работу охранником в ночной клуб, начал более-менее зарабатывать и надеялся быстро купить эту чертову деталь. Покупка несколько раз переносилась, потому что пришлось оплатить долг по ЖКХ за полгода, Кешин три-местр, закупить продуктов в вечно пустующий холодильник; и еще был Женин день рождения – совсем не вовремя. В общем, денег хватило только на бэушную деталь с авторазборки. Зато в отличном состоянии, как новая. Денис подергал знакомых парней, чтобы посоветовали нормальный сервис. И сегодня-завтра договорился починить их железного коня. Короче, отец будет рад – это гарантировано.

Кеша продолжал шуметь и носиться по квартире, будто веселый шумный слон. «Слоненок, блять», – привычно подумал Денис. Порой он сомневался, что они с Кешей родственники.

Денис посидел на краю кровати, потянулся. Подумал и надел спортивные штаны, натянул футболку. Мог бы и в «семейниках» дойти до туалета, но тут Аня – девушка Кеша. Нужно соблюсти приличия. Хотя... что она у него там не видела? Денис усмехнулся.

Денис вышел из двери и едва не столкнулся с Кешей. Брат, как всегда, улыбался.

– О! Уже проснулся? – заявил он, преградив ему путь в туалет.

Денис вздохнул.

– Конечно, проснулся. Вы орете так, будто десять лет женаты... Ты вообще в курсе, что я с ночной смены?

Кеша фыркнул.

– Началось. Выполз из пещеры лютый родственник.

Денис наклонил голову:

– Дашь пройти?

– Да-да, зубы тебе надо срочно почистить, а то скоро все цветы в комнате завянут.

Денис дыхнул ему в лицо. Кеша в притворном ужасе зажал лицо ладонью и нырнул в свою комнату. «Шут гороховый, джокер мелкобюджетный», – подумал Денис. Но уже без злости. Кеша всегда был таким, с самого детства.

– Этот проснулся уже? – услышал Денис за спиной Анин приглушенный голос.

Денис захлопнул дверь ванной, сладостно помочился. Вымыл руки, фыркая, умылся холодной водой – помогает проснуться, тщательно почистил зубы, посмотрел на свое отражение в зеркале.

Он вернулся в комнату за подарком и зашел на кухню.

Отец сидел к нему спиной и читал новости с экрана планшета, на столе перед ним лежал засохший бутерброд с сыром. Денис покосился на желтый покореженный кусок сыра. На нем уже выступили капли воды. От взгляда на этот кусок у Дениса заныло в животе. Вот так и становятся никому не нужными.

– Привет, пап! – сказал Денис нарочито бодро. – Что нового в мире? Пап?

Отец нехотя повел головой, перевернул страницу.

– Проснулся наконец? – сказал он, не глядя на сына. – День уже в разгаре.

– Я вообще-то после ночной смены.

Отец хмыкнул и покачал головой.

– Много спишь, – сказал он.

Денис задержался в дверях. Отец так и не повернул к нему головы. Денис разглядывал его – сверху вниз. Когда папа успел полысеть? На затылке волосы были совсем жидкие, сквозь них проглядывала бледная кожа.

Лицо отца, когда-то красивое, мужественное, похудело и

осунулось. Кожа была желтая и нездоровая. В виске некрасиво, беззащитно билась жилка.

У них не всегда было так сложно. Денис помнил дни, когда с ними еще жила мама. Они с отцом были лучшими друзьями. Отец работал на огромном государственном заводе, что-то там военное и секретное. Он сам притащил маленького Дениса в секцию по боксу, три раза в неделю лично отвозил и забирал его. Они могли часами разговаривать о всякой ерунде, играть, дурачиться, придумывать байки и истории. Кеша был тогда еще совсем маленький и не слезал с маминых рук. Поэтому отец был весь его, Дениса. Без остатка.

Денис обожал смотреть с отцом телевизор. Боксерские матчи, чемпионаты, профессиональные федерации. Отец кроме бокса любил КВН и громко хохотал при просмотре. Денис тогда мало чего понимал во «взрослом юморе» – как это называл отец, но всегда смеялся вместе с ним. Однажды отец со смехом спросил Дениса, что конкретно его рассмешило в этой шутке. Но Денис честно ответил: «Все смеются, и я засмеялся». Отец тогда особенно оглушительно расхохотался, до слез.

Мать ушла внезапно, как сход лавины на зазевавшихся туристов. У нее долгое время был любовник, о котором не подозревал отец. Какой-то мужик на работе – Денис пару раз его видел. В один прекрасный день мама забеременела и решила оставить ребенка. Денис тогда мало что понимал. Он слышал, как ругаются родители за закрытой дверью, и мно-

гое сообразил уже в подростковом возрасте. Но одного он так и не понял: зачем взрослой женщине рушить одну семью и заводить другую, чтобы оставить третьего ребенка? Мать он так и не простил. Когда пришло время решать, он остался с отцом. Кеша переехал в новую семью, но там у него что-то не срослось с отчимом. Однажды мама попросила Кешу пожить некоторое время с отцом, но так и не забрала его обратно. Странно, что Кеша остался таким жизнерадостным. Странно.

Денис включил чайник, сел напротив отца и положил сверток на стол. Глухо звякнул металл.

– Что это? – спросил отец. За спиной Дениса гулко, словно взлетающий бомбардировщик, загудел чайник.

– С днем рождения, папа! – Денис улыбнулся.

– Ага, – без особого энтузиазма сказал отец. Посмотрел на сверток. – Что это?

– Катализатор, ты же искал? Не обращай внимания, что не новый, зато оригинал, немец. Мне сказали, тысяч пятьдесят минимум проходит.

– Кто тебе такое сказал?

Денис сжал зубы.

– Неважно.

Чайник щелкнул и отключился. Денис вздрогнул. Отец отложил планшет, хрустнул шеей, выпрямился. Затем впервые за утро посмотрел на сына прямо:

– Не хочешь рассказать, почему я должен был краснеть

перед участковым?

Улыбка слетела с лица Дениса. Начинается. «Чтобы ты ни делал, как бы ни старался... В какой-то момент ты все равно окажешься виноватым».

– Краснеть было необязательно, – сказал он холодно. Ну, давай, папа, проглоти это.

– Что? – Отец нехотя взглянул на него из-под бровей.

В голубых глазах отца на мгновение проявился тот, жесткий и сильный человек, ведущий специалист огромного завода. Под взглядом отца Денис вдруг понял, что опять дает задний ход. Он невольно сбавил тон:

– Я говорю: краснеть было необязательно. Просто не пустили пару обдолбышей в клуб со стволами.

– Так не пустили, что он уехал от вас с сотрясением мозга!

Денис постарался сдержаться.

– Ну, во-первых, их было несколько, а во-вторых, тебе было бы приятней, если бы мне в лицо из травмата выстрелили? – Денис сжал под столом кулаки и по-бычьему крутанул шей. – Подарок будешь смотреть?!

– Что это?

– Я уже говорил. Нашел деталь для твоей машины на разборке.

Отец вздохнул.

– Ты знаешь, как я отношусь к деталям с ворованных машин.

«Ворованных?!» Денис постарался пропустить очередной

укол мимо ушей.

– Мне друзья хороший сервис посоветовали, не хочешь вместе съездить?

– Мне от твоих братков ничего не нужно.

– Не братки, а коллеги по работе, – Денис почувствовал, как ногти впились в ладони. Блин. Он с усилием разжал кулаки.

– Зашибись работа! – не унимался отец. – Вышибала в ночном клубе! Или тебя, или сам кого-нибудь убьешь. Стоило ради этого бросать институт?

– Благодаря этой работе есть чем нашему золотому мальчику институт оплатить! Будешь брать деталь?!

Денис понял, что разговор прошел точку невозврата. Прощай, хорошее настроение. Работа для отца была больным местом. После увольнения с завода он перебивался случайными заработками и каждый день грозился, что снова будет таксовать, чтобы кормить семью. Но так ни разу и не выехал в город. Как подозревал Денис, дело было не в машине, просто ему нравилось сидеть дома, валяться целыми днями на диване и смотреть телевизор. Словно мать, когда уходила, забрала с собой сияющий волевой стержень, на котором держался тот красивый и сильный отец, что был когда-то у Дениса. И осталась эта обмякшая телесная оболочка.

Когда-то Денис думал, что если будет работать и приносить домой нормальные деньги, то заслужит уважение отца, но ошибался. Вышло только хуже. Каждую его получку отец

воспринимал как личное оскорбление. Он постоянно находил, к чему придраться, и без конца ставил Кешу ему в пример.

Отец повертел в руках нераспакованную деталь и отодвинул ее обратно к Денису.

– На! Забери обратно! А машину все равно надо продавать – сыпется.

Он снова уткнулся в планшет. Денис сидел и подыскивал нужные слова, но в голове вертелись только оскорбления и упреки. Старые обиды. «Продавать, конечно. Продавать, блять. Лучше бы мне ее отдал. «Ауди-шестерка», бизнес-класс, машина до сих пор офигенная». Но Денис знал, что отец никогда не отдаст ему машину. Даже если она сгниет прямо здесь, во дворе.

На кухню зашел Кеша.

– Ого! Ты серьезно? Мы покупаем новую машину?

– Ты смотри, ушастый какой! – улыбнулся ему отец. – Не знаю пока, надо посмотреть, сколько за эту выручим.

Смотреть на то, как отец счастливо расплывается в улыбке при виде любимчика, было выше сил Дениса. Он с грохотом отодвинул стул и вышел из кухни, с силой хлопнул дверью. Затем постоял... И, ненавидя себя, на цыпочках вернулся к двери, прислушался.

– Что это с ним? – удивился Кеша за дверью.

– Без понятия. Я вообще отказываюсь его понимать в последнее время – волчонок растет.

«Растет?! – Денис стиснул зубы. – Двадцать шесть лет, куда еще расти?»

– Не беспокойся, пап, я за ним присмотрю.

Отец рассмеялся искренне и легко. Если бы Денис увидел его в этот момент, он бы его возненавидел. Но сейчас воображение ему услужливо подсунуло того, молодого еще отца, смеющегося вместе с Денисом. Белые красивые зубы сверкают. Загорелая кожа. В глазах ум и воля. Это было лето, Денис точно помнил.

– За тобой бы кто присмотрел, – сказал отец.

Глава 12

Денис и Аня

Денис отошел от двери, постоял в коридоре, дожидаясь, пока стихнет дрожь в руках. «Чтобы вы сдохли... оба! Или один». Денис медленно выдохнул сквозь зубы и расслабил плечи. У него была обширная практика смирения. Куда там тибетским монахам, сука.

В приоткрытую дверь он увидел Аню – девушку брата. Она стояла к нему спиной и с кем-то переписывалась по телефону. Денис злорадно ухмыльнулся. С Кешей у Ани были напряженные отношения. Да чего уж там греха таить, Денис видел, что скоро она бросит Кешу. Эта мысль радовала его. Денису было одновременно стыдно за эту радость и – хорошо. «Не все тебя будут любить», – пронеслось у него в голове. Анин телефон тихо прожужжал виброзвонок, и она торопливо застучала по экрану. Денис бесшумно, в два шага приблизился к ней и заглянул через плечо.

«Когда ты ему про нас расскажешь?» – прочитал он во входящем эсмэс. «Вот это новости, – подумал Денис обалдело. – Ну что, братец-туняец? Пока ты там чирикаешь с отцом, здесь тебе рога наставляют». Денис обнял Аню за талию. Огладил попу, обтянутую черными велосипедками. Аня вздрогнула и быстро обернулась.

– Ты?! – Глаза ее расширились.

– Я, – что-то в ее интонации ему не понравилось.

– С ума сошел, сейчас Кеша зайдет, – сказала Аня. Уперлась ему ладонью в грудь.

– Не зайдет, – успокоил ее Денис, но руки не убрал. Наоборот, огладил ее между ног. Лобок был твердый и приятно округлый. – Он с отцом еще полчаса обниматься на прощание будет.

– А что твоя на это скажет? – ядовито парировала Аня и с силой оттолкнула его от себя.

Денис отступил на шаг и засмеялся. Аня была девушка спортивная: фитнес, тай-бо, йога, черт знает что еще – тело и руки сильные, подкачанные, а весу как у воробья. Спортивного воробья, конечно, но против девяноста с лишним килограмм тренированного тела Дениса – кот наплакал.

– Или ты ей все рассказал?

Денис поморщился.

Она говорила про Женю. С Женей Денис встречался давно, целую вечность, сколько точно, он даже не помнил. А с Аней у него случился мгновенный, как укол иглы, роман. Просто встретились глазами. Затем был быстрый перепахон в гостевой спальне. Это случилось на даче ее родителей во время одной из вечеринок. Кеша тогда много выпил, покурил «травки» и прикорнул на качелях. И качался себе там до утра, пока они с Аней... Денис усмехнулся. Никто про это, естественно, не знал. Ну, кроме Степыча, которому Денис сболтнул... Зря, конечно. Но Степыч – это могила.

– Когда придет, тогда и спросим, – Денис с усилием улыбнулся. – Срочное дело?

Он кивком показал на ее телефон.

– Срочное и не твое, – отрезала Аня.

Денис хотел огрызнуться в ответ, но тут пискнул его собственный телефон. Черт.

«Я на менструации», – прочитал Денис и беззвучно засмеялся. Степыч так и не отключил Т9 в своем телефоне, отчего регулярно радовал друзей и знакомых удивительными каминг-аутами.

Но смысл был понятен и так. «Я на месте». Степыч подогнал свою доисторическую «буханку» к подъезду, пора было спускаться с вещами. Приключение начинается, ага.

– Ты чего лыбишься? – Аня смотрела на него в упор.

– Степыч приехал, – сказал Денис. – И у него критические дни.

– Чего?!

Денис махнул рукой – неважно.

– Скажешь Кеше?

– А сам что, никак?

– А я внизу вас подожду, – шуточно отсалютовал ей Денис. Аня молча отвернулась.

«Сучка, – подумал Денис. – А задница у нее все-таки что надо».

Глава 13

Сборы

Разговор с Аней немного сбавил напряжение из-за неудачного подарка, но все равно Денис кипел. В голову лезли «правильные фразы», которые нужно было сказать отцу. Диалог в голове Дениса был настолько явным, что обрывки невольно срывались с губ. Толкнув дверь, он прищурился от солнечного света и, прежде чем разглядел «буханку», услышал голос Оли – громкий и недовольный. Говорила она всегда на своей частоте, и слышали ее все в округе. Словно свисток для собак – звука не слышно, но раздражает.

– Ты можешь так резко не тормозить? – выговаривала Оля. – Я чуть в стекло носом не врезалась!

УАЗ-«буханка» стояла с опущенными стеклами – из-за жары.

– Олюшка, не нагнетай, – беззаботный голос. Степыч помахал Денису с водительского места. – Ден, привет! Давай подгоняй свою братию, а то водка стынет!

– Дебил! – Оля недовольно уткнулась в зеркальце от пудреницы. Денис усмехнулся.

Со Степычем они дружили с первых дней в секции. Их все время ставили в спарринг из-за одинакового роста и комплекции. Бывает такое: с кем-то удобно, а с кем-то нет. И в жизни Степыч оказался комфортным парнем: простой и на-

дежный, как автомат Калашникова, что на уме, то и на языке. Степа и подтянул Дениса на работу охранником, чтоб было с кем поболтать.

– Степа-ан! – протянула Оля. Опять где-то завывали собаки. Денис развеселился. – Ты можешь сделать музыку потише? По мозгам долбит и долбит! Выключи ее совсем!

Степа не обиделся и убавил звук магнитолы. С соседнего сиденья соскользнула изящная невысокая девушка. Женя – бывшая одноклассница Кеши и по совместительству девушка Дениса, – так вышло.

– Клянусь, еще одна минута, и я ее задушу! – призналась Женя. – Зачем вообще ехать с таким настроением?!

Денис со вздохом оглянулся на окно своей квартиры, туда, где он оставил отца вместе с его айпадом.

– Ты меня поцеловать не хочешь? – Женя привстала на цыпочки и чмокнула его в губы, от нее пахло клубникой. – Опять с отцом поругался?

Денис поморщился, словно от зубной боли. Но отрицательно мотнул головой:

– Не страшно.

Степан вылез из машины и хлопнул Дениса по спине.

– Айда грузиться! Жень, ты можешь с ней чуть-чуть полегче? – Степа обернулся туда, где сидела Оля, убедившись, что она их не слышит. – Я понимаю, что это сложно, но у меня серьезные планы на этот вечер.

– У тебя уже год на нее планы, – заметил Денис насмеш-

ливо. Степыч отмахнулся.

– Хорошо, Степа, я постараюсь, – Женя вздохнула. Она, в сущности, была добрая душа.

– Женечка! Как я рад, что ты с нами поехала! – Кеша держал ногой тугую железную дверь и радостно чмокнул Женю в щечку.

Кеша действительно обрадовался Жене – в последнее время его мучили звенящие паузы в разговорах с Аней, а тут можно было расслабиться и просто поболтать, без всякой задней мысли.

Денис со своей колокольни понимал, что это паузы неминуемого расставания, когда девушка уже приняла решение и обратного хода не будет. Но Кеша пока об этом не догадывался и делал все возможное, чтобы развеселить Аню. Вот и в эту велопоездку он собрал всех мольбами и уговорами, лишь бы ей угодить. Если бы Денис его так не ненавидел, то, скорее всего, сжалился бы над братом и объяснил бы, что к чему. Хотя, может, это было бы еще более жестоко... «Хмм, тогда над этим стоит подумать».

– Что скажешь, бро? – Степа, блеснув крупными белыми зубами, выставил перед другом запястье, на которых красовались огромные часы-хронометр. Аляповатого желтого цвета, даже более яркого, чем улыбка хозяина.

– Часы! – буркнул Денис.

– И все?

– Хорошие часы, – коротко ответил Денис, давая понять

другу, что не в настроении продолжать разговор и ему нужно полчаса, чтобы остыть.

– Ты шутишь? Да она всю дорогу на них смотрела! – Степыч понизил голос. – Зуб даю, сегодня я ее завалю!

– Поберег бы зубы, – отрезал Денис, заводясь от его настойчивости. Обычно Степыч быстро считывал настроение Дениса и знал, когда надо просто помолчать. Но сегодня он был явно в приподнятом настроении.

– Бля буду! – побожился Степан. – Она сама вчера сказала: вот бы мне найти такого хорошего парня, как ты!

– То есть, не тебя? – подколот Денис.

– Че?

Денис оттолкнул руку с часами от своего лица и со злобой ткнул в болевую точку Степы.

– Тебе самому не противно столько времени унижаться? Сколько ты еще будешь за ней, как побитая псина, бегать?!

Удар оказался болезненным. Если Женину колкость Степыч пропустил мимо ушей, то от Дениса он такого явно не ожидал. Степыч схватил ртом воздух и захлопал глазами.

– Унижаться?! Да пошли вы в жопу, моралисты хреновы! Сам, блин, с телкой брата переспал, а еще меня учит жить!

Денис резко схватил его за локоть и зашипел в самое ухо:

– Ты охренел так орать!

Степа выдернул руку и ушел к машине, начал помогать девушкам грузить велосипеды. Женя украдкой посмотрела на Дениса, и тот моментально почувствовал, как совесть мощ-

ным катком раскатывает его по асфальту. Зачем он на него набросился? Степыч же не виноват, что отец Дениса не может нормально с ним пообщаться... Как с Кешей, например. Денис почувствовал, как от этой мысли противно заныло в животе. «Да, как с Кешей, бля».

В этот момент, словно по заказу, раздался звонок. Отец материализовался у него в телефоне. Денис секунду помедлил, глядя на экран, представляя, как отец сейчас наблюдает за ним, спрятавшись за тюль в кухне, и не спеша нажал «ответ».

– Денис? – раздалось в трубке.

– Да, пап.

– Денис, я понимаю, что у нас с тобой сейчас много разногласий, у меня самого тяжело на душе... – отец громко прокашлялся и продолжил: – Не знаю, как тебе сказать...

«Извини меня, сын, ты мне подарок принес, а я повел себя, как полный урод, – пронеслось в голове у Дениса. – Давай ты поднимешься, и мы просто нормально поговорим. Так, как раньше».

– Пап, я понимаю, – почему-то Денис охрип.

– Спасибо, что... согласился... поехать, – сказал отец, похоже, тоже с трудом подбирая слова. – Кеше сейчас это... очень нужно. ... У него неприятности с Аней, ты же знаешь? Да еще ты со своими проблемами...

Денис до боли стиснул челюсти. Мечты развеялись, гнусное настроение моментально вернулось, будто бы никуда не

улетало. Оно все время порхало рядом, благородно дав Денису время помечтать.

– Мы едем за город кататься на велосипедах, – отрезал Денис. – Что с твоим любимчиком может случиться? Шину проколет?

– Присмотри там за ним.

– Что?!

– Обещай, что присмотришь за ним.

Но Денис уже не слушал. Он громко щелкнул «раскладушкой» и, сплюнув, направился к машине.

Глава 14

Дорога к Мертвой зоне

После московских пробок: газ-тормоз, газ-тормоз, когда то и дело клюешь носом на очередном светофоре, трасса моментально подняла всем настроение. Светило солнце, день обещал быть хорошим. Девчонки забыли об обидах и всю болтали с Кешей и смеялись. Из-за гула вентилятора Денис не разбирал слов, а слышал только голоса и смех.

Степыч переключил скорость, вдавил педаль газа. «Буханка» загудела и завибрировала, набирая скорость.

Денис опустил стекло и подставил лицо теплему ветру.

Раньше он думал: какой нормальный человек возьмет себе подержанную «буханку» 80-х годов, но Степычу, надо признать, машина подходила на все сто. Степыч нашел первое попавшееся объявление на Авито, в тот же день встретился с хозяином, каким-то мутным типом из Зеленограда, на следующий назанимал у всех пацанов в секции денег и купил машину. И, как ни странно, не прогадал. Машина оказалась на ходу, пробег честный и документы в порядке. И со сделкой его не кинули. Только Степычу могло так повезти. Дуракам везет. У знакомых ребят в подпольном сервисе ему прокачали машину, поменяли масло, фильтры, свечи, покрасили, как могли, ржавчину. Плюс установили магнитолу с радио и воткнули в корпус «буханки» мощные колонки. Так

что на полной громкости машина грохотала, как огромная жестяная банка. Сейчас же радио едва слышно бормотало, не мешая разговаривать.

У Ани пиликнул телефон, и она вдруг перестала смеяться. Резко, словно в ней повернули рубильник. Точно Аня была ярко освещенным зданием, в котором выключили свет.

«Кеша, ну ты идиот, если не видишь, – подумал Денис. – Все же как на ладони.

– Я сейчас, – сказала Аня. Она быстро пересела на другое сиденье, напротив Кеша.

Аня, не глядя на Кешу, стала быстро набирать сообщение. Кеша же уставился на нее, не отрываясь. На него было жалко смотреть. Брат выглядел так, словно измученный вопросами мозг сейчас под давлением поперет у него через уши. «Что я сделал не так, где накосячил?» Ха! Денис усмехнулся. «Да нигде! Если женщина решила тебя бросить, все твои телодвижения – пустая трата времени. Что бы ты ни сказал, что бы ни сделал – все бесполезно». Как и эта поездка. Денис быстро считывал женщин, Кеше же пока это никак не давалось. «Салага. Щеночек, бля». Конечно, Денис мог подсказать Кеше, как старший брат младшему, но делать этого не собирался. «Мне же никто не объяснил, почему отец вдруг перестал со мной общаться? – раздраженно, словно оправдываясь перед собой, подумал Денис. – И теперь все время носится... с этим... щеночком. Как сектант со своим культом».

Денис бросил взгляд в зеркало.

Аня дописала сообщение и выключила звук на телефоне. На Кешу она не смотрела.

Денис улыбнулся, хотя тут же одернул себя. Младший брат страдает, а ему весело.

Денис заметил, что Степа все еще обижается. Это сложно было не заметить, потому что он зло дергал рычаг, когда переключал скорость, и тихо, так, что его слышали все в машине, сопел.

Денис не хотел, чтобы Степа злился. На фига...

– Дай часы посмотреть, – сказал Денис.

Степа раздул ноздри и отвернулся от Дениса, якобы разглядывая поток машин в боковое зеркало.

– Швейцарские, говоришь? – Денис сделал вид, что не заметил это движение.

Ему было хорошо с ним. Степыч простой парень – что на уме, то и на языке. И огромный его плюс, что он не умел долго обижаться. Сейчас Степыч обиделся, но не разозлился, иначе просто треснул бы Дениса под ребра своим фирменным коротким тычком – Денису редко удавалось от него увернуться. Значит, скоро отойдет.

– У нашего управляющего в клубе тоже такие же часы. Говорит, с третьего этажа можно сбросить, и ни одной царапины не останется.

Степыч нехотя повернул голову.

– Только у него попроще часы будут, без хронографа, –

продолжал Денис.

Степыч перестал сопеть, но все равно делал вид, что разговор ему неинтересен.

– Как ты говорил они называются? – спросил Денис. Словно ему действительно было интересно.

– «Радо».

– Дай посмотреть.

Степыч, помедлив, снял часы с руки и, все еще глядя на Дениса, протянул ему.

– Продавец говорил, что один из клиентов такие же часы в чайнике вскипятит, чтобы проверить герметичность, – сказал Степыч.

– Надеюсь, он с руки их не снимал, пока кипятил.

Степыч сверкнул глазами на Дениса, решив, что тот его троллит. Денис терпеливо подождал, пока Степыч въедет в шутку. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом лицо Степыча медленно расплылось в улыбке. Он заржал, как конь. Зато обиды как не бывало.

– Ладно, держи свои «котлы», – сказал Денис. Степыч кивнул, нацепил часы на руку, защелкнул.

Дорога пошла под небольшой уклон. Справа и слева появились небольшие рощи, пошел лес.

Степыч вытащил из-под сиденья бутылку пива. Двумя пальцами свернул крышку – такой фокус Денис видел только в старом фильме «От заката до рассвета». Там, где два брата – грабителя банков попали к вампирам. Полилась пе-

на, Степыч стряхнул ее движением кисти. Несмотря на свою любовь к заржавленной «буханке», к машине он относился без особой нежности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.